

Андрей Десницкий
Татьяна Федорова

Угарит

Андрей Десницкий
Угарит

«Десницкий Андрей Сергеевич»
2009-2012

Десницкий А. С.

Угарит / А. С. Десницкий — «Десницкий Андрей Сергеевич»,
2009-2012

Правдивое повествование о полных опасностей странствиях великой искусницы Йульяту из Беляева и могучего воина Бен-Йамина из Сокольников. Двое наших современников, отправившись на экскурсию на развалины древнего города Угарита в Сирии, оказываются именно там, куда и собирались. Только на три тысячи лет раньше, чем вышли из отеля. Сумеют ли они найти общий язык с людьми древности, весь мир которых заселен богами и духами? А может быть, им удастся восстановить былую славу Угарита? Или хотя бы узнать, отчего погиб этот процветающий город? Ведь они, как очень скоро окажется - не единственные выходцы из нашей современности в этом мире. В поисках разгадки Юле предстоит побывать на пиратском корабле и в языческом храме, а Вене придется налаживать диалог со спецслужбой финикийского царя, чтобы освободить свою спутницу. И всё это только для того, чтобы она потом пошла на свидание с одним из библейских персонажей... Но сюжет в книге - не главное. Она о том, как люди нашего времени познают истоки нашей цивилизации, и в этом древнем и юном мире они встречают самих себя - и находят друг друга.

© Десницкий А. С., 2009-2012

© Десницкий Андрей
Сергеевич, 2009-2012

Содержание

Часть первая. Город Угарит	5
1	5
2	8
3	12
4	15
5	19
6	23
7	26
8	29
9	32
10	35
11	38
12	41
13	45
14	49
15	52
16	56
17	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Андрей Десницкий и Татьяна Федорова

Угарит

Часть первая. Город Угарит

1

...Самолет наконец-то пошел на взлет, я откинулась в кресле и, прикрыв глаза, сказала себе: всё! Отпуск впереди недолгий, но самый зато настоящий отпуск. А трудовые будни – плюнуть на них и забыть. Последние дней десять – это вообще был какой-то полный трындец, с бесконечной беготней по заказчикам, сдачей работ, выбиванием гонораров, да прочей лабудой.

Труднее всего пришлось с Меценатычем. В советские времена подвизался он в должности чабана в совхозе «Нижние Саксаулы» (ну не чабана, конечно, а какого-нибудь старшего помощника младшего инструктора райком-горкома-профкома, впрочем, какая разница?), а вот тут повадился опекать новорожденные артистические дарования. Меценатыч выкупил особняк в районе Остоженки, переоборудовал его под художественную галерею и заказал випам своим на подарки полторы сотни керамических верблюдов, раскрашенных в национальные нижне-саксауловские цвета.

Я забыла про сон и еду, но заказчику постоянно что-то не нравилось – то выражение верблюжьих морд, то постановка передних ног, то подробности верблюжьей анатомии, в которой, надо признать, разбирался он отлично... Я уж и не надеялась закончить все до отпуска, но в последнюю минуту Меценатыч все же смиростивился и не только расплатился за заказ, но и сверху добавил, шепнув при этом на ушко, на какие цели, по его мнению, стоило бы пустить незапланированную премию.

Покраснев до слез и с трудом подавив вполне законное желание залепить художественно одаренному сыну степей по морде, я выхватила у него конверт с купюрами и чуть не бегом бросилась к такси – на сборы оставались считанные часы. Даже волосы покрасить не успела! Впрочем, плевать, не так уж и заметно, что корни начали отрастать. Две недели можно и слегка пегой побегать, кто меня там разглядывать-то будет, в этой Латтакии? Можно подумать, в тур-группах бывает на кого глаз положить. Сплошные раскормленные папики при взбалмошных тетках, мечутся себе между ангарами с кожами и ювелиркой. В Анталии, по крайней мере, так и было. И нужна им моя пегая грива? Вот еще! Вернусь – тогда и смоताюсь к Аллочке на Арбат, заодно будет, о чем потрепаться. Не забыть бы только ей камней привезти, а то съест на ровном месте и как звать забудет, совсем на своей ювелирке голову потеряла.

Кинув в сумку первое, что попало под руку, я рухнула в весьма приблизительно расстеленную постель, чтобы ровно через минуту вскочить под верещание будильника. А потом... потом как обычно: обжигающий глоток кофе, полупустой утренний город за окном такси, нудная проверка в аэропорту, и, наконец, всё... Свобода! Свобода... Свобода?

Первые два сирийских дня не хотелось никуда ходить и ничего делать. Стоило открыть дверь на улицу, как я натыкалась на плотную стену жары, а в лицо бил раскаленный ветер из диких и вольных пустынь. Хамсин, так они его называли. С утра до вечера я валялась на пластиковом топчане у берегов Средиземного, подумать только, моря, или в более-менее комфортном шезлонге у самого бортика бассейна, если место успевала занять. Изредка окуналась, выбирая момент, когда поблизости оказывалось как можно меньше народа, и снова падала на высушенное в две минуты парусиновое ложе.

На третий день прибрежной жизни в окружающей среде обнаружилась пара поджарых мускулистых братушек-болгар. Славянское братство не подвело, пляжный волейбол – тоже, так что к обеду жизнь из растительно-занудной превратилась в активную и даже интересную.

После ужина я спустилась в бар и едва не оглохла от того, что там считалось музыкой. Помнится мне, что-то такое любили крепкие бритоголовые дяденьки в малиновых пиджаках, они тусовались в баре, возникшем в три ночи вместо детской изостудии, мама меня так и не успела туда сдать. В изостудию, имею в виду.

Я честно сидела полчаса в обнимку с коктейлем и пыталась наслаждаться страданиями певца, рвущими душу на британский флаг. Родной брательник тех дяденек, он точно оттягивался между двумя «ходками», а я не выдержала и сбежала в зимний сад, прикинув, что уж там-то наверняка не было об эту пору ни души. Там и вправду лишь зеленые попугайчики язвительно переругивались, шныряя между ветвей, да солидный тукан с ослепительно оранжевыми ободками вокруг глаз чистил когтем клюв, периодически склоняя голову набок и показывая длиннющий, скрученный на конце колечком тонкий язык. И откуда у них тут тукан? Они же, вроде, из Америки...

Коктейль оказался на удивление хмельным, так что если бы кого-то еще из постояльцев отеля угораздило в этот час забрести в зимний сад, они увидели бы великовозрастную тетеньку... ну ладно, не тетеньку, а большую девочку, самую чуточку за двадцать, играющую с самой собой в классики на плиточных дорожках между пальмами.

А на следующий день для желающих была экскурсия. И кто бы мог подумать, что тут у них, совсем рядом с отелем, развалины какого-то города? Я так и не могла запомнить его название, что-то такое угарное, угараемое... неважно! Древнющая древность в шаговой доступности, а не только морские волны и античные торсы полужнакомых парней.

Честно говоря, торчать у бассейна мне уже порядком поднадоело, да и плечи давали себя знать. Как их не мажь, а против здешнего солнца толковой защиты все равно нет. Так что записалась я на ту самую экскурсию еще накануне: выслушала, что прямо после завтрака наша группа отправляется куда-то в совсем дальние края, поэтому питье-галеты желательно взять с собой сухим пайком, кормежка будет в неопределенное время. Короче, спасение утопающих... ну и так далее...

С утра я закинула в рюкзачок бутылку родниковой воды, пару банок с коллой, упаковку самого простого печенья и устроилась у окна, поближе к водительскому месту – с детства люблю, чтобы было всё было видно. Группа наша особым рвением к античности не пылала, так что мест хватало. Похоже, в эту поездку вообще собрали энтузиастов из самых разных групп, потому что кое-какие лица попутчиков мне уже были знакомы по предыдущим дням, а некоторых я вообще видела впервые.

Смуглый кареглазый гид Фатих, уверял, что русский язык он выучил еще в Советском Союзе в эпоху исторического материализма. Мы с ним, в итоге, оказались чуть ли не земляками, ведь жила я в Москве в двух шагах от родного фатихова Лумумбария. Фатих забавно коверкал слова, называл дам Наташами и Сонечками, отдавая дань Великой Медведице русской литературы, и старательно намекал, что если его совсем хорошо попросить, то он покажет секретный путь к пещере Али-Бабы, перепрофилированной под нужды заезжих туристов.

Я увлеклась наблюдениями за гидом, и в какой-то момент поняла, что сочиняю очередной забойный пост. Ну что ты будешь делать? И в отпуске от мыслей о ЖЖ покоя нет! Кстати, у них там, в отеле, кажется, на первом этаже было Интернет-кафе... Чур меня, чур! У них и клавиатуры русской нету... наверное. Будем считать, что нет!

За бортом сначала мелькали всякие пригородные постройки, тесно скучившиеся домики, грустные лопухие ослики, до смерти надоевшие еще в Москве верблюды, оборванные мальчишки, выбегающие на обочины и протягивающие к самым окнам всякую дребедень. Потом пейзаж стал куда более скучным, вместо поселков пошел сплошной песок с торчащими тут

и там пальмами и еще какой-то экзотической растительностью, а на горизонте неожиданно замаячили невысокие холмы.

Как раз у подножия одного такого холма, гордо поименованного Фатихом словом «гора», наш автобус и остановился. Группа высыпалась наружу и потянулась куда-то вверх, следуя за гордо шествующим впереди экскурсоводом. Судя по его словам, за этой полосой препятствий должны были лежать руины невообразимо прекрасного древнего храма. Оставалось надеяться, что эти руины и вправду стоили того, чтобы так безжалостно портить собственную шкурку, пробираясь сквозь заросли каких-то жутких аксакалов... или саксаулов? Короче, этой шипастой колючей ерунды, которая росла тут со всех сторон.

Мелкие камушки на каждом шагу норовили набиться в мокасины, я успела раз десять мысленно обругать себя за легкомыслие – кроссовки надо было надевать, а не эти не пойми какие туфли. Остановившись в очередной раз, чтобы вытряхнуть из набившийся в туфлю мусор, я вдруг боковым зрением заметила справа от дорожки какую-то расщелину – не расщелину... скорее, полуосыпавшийся вход в пещеру, какие встречаются порой в Крыму. Приотстав от группы и делая вид, что меня больше всего занимают диковинные бело-розовые цветы, распустившиеся на почти голых колючих ветвях, я никак не могла оторваться от пещеры – слишком уж велико было искушение забраться внутрь и хоть одним глазком глянуть, что там и как.

В какой-то момент доводы благоразумия едва не одержали верх, но перед глазами проплыли старые, почти забытые иллюстрации из детской книжки: диковинные шестилапые звери, подземная река, берущая начало у стен пещеры, призрачный свет от фосфоресцирующих шариков, и, главное, подземный город рудокопов, таящийся где-то в недрах... Понятное дело, никаких зверей, рек и подземных городов для меня там никто не заготовил. Но... зной, казалось, куда более жгучий, чем в предшествовавшие дни, уже успел заставить меня пожалеть о собственном авантюризме. Купалась бы себе сейчас, отсиживалась в кондиционированном сумраке бара, так ведь нет... полезла в эти доисторические каменоломни. Из пещеры, меж тем, тянуло прохладой. Не промозглостью, а именно легкой, приятной прохладой, так, что удержаться было просто невозможно.

Чуть-чуть поколебавшись, я отбросила последние сомнения. Ну что особенного случится, если я чуть-чуть переведу дух в теньке, а потом догоню остальных? Все равно без меня не уедут, а задерживать я никого особо и не собираюсь. Ну подумаешь, увижу на полторы траншеи меньше, чем все остальные, велика беда!

И я, оглядевшись и удостоверившись, что никто за мной не наблюдает, проскользнула вглубь пещеры...

2

Ну и куда, спрашивается, ее понесло, эту девчонку? Что ей там такого привиделось? Или она, к примеру, спелеолог, не может спокойно пройти мимо любого природного явления в виде дырки в земле? Или, вернее, шило в одном месте покоя не дает? Место, кстати, вполне симпатичное, особенно в этих шортиках. Слишком откровенно для местных, ну да с ними ей чаи не распивать. А я что? Я в отпуске. Первом за три года настоящем отпуске... Еще и на родном Ближнем Востоке! Ну в принципе, самое время присмотреться к девчонкам.

И что меня понесло за ней? Вот уж ни разу не забота о ее безопасности. И не запал я на нее – ну, видел до того на пляже, ладная такая фигурка, загадочно-отстраненный взгляд, шевелюра такая разлетистая, светлая, только, кажется, крашенная. А может, и нет. В общем, местные на нее пялились бы только так, будь они там на пляже. Непривычны они к девушкам в купальниках, да еще блондинистым.

Мне просто интересно стало: чего это экскурсовод с таким сомнением на эту дыру посмотрел, когда его спросили: «а там что?» Вроде как сам он ее впервые видит и вообще спешит подальше от нее отойти. А вдруг там всё самое интересное? Вдруг нераскопанное что-то, ну вот в Кумране полез парнишка в пещеру за козой и нашел свитки, которые всю историю перевернули – может быть, и здесь что-то подобное. Так что и я полез в ту дырку, и тоже, можно сказать, за козой. Тем более, что фонарик у меня был с собой. Фонарик, хороший складной нож (главное было, не забыть сдать его в багаж в аэропорту), фляжка, так еще кое-что по мелочи. Привычка просто такая, с армейских еще времен – выходя на целый день, брать с собой всё самое необходимое. Особенно если выход в пустыню.

А группу догнать мы бы легко потом успели. Она и так еле плетется – у половины вон какие животики, а из мужиков кто-то уже пивка успел хорошо принять. Отдыхают... И жара здешняя им непривычна. Ну что ж, у всех свои представления о прекрасном.

Так что в пещеру полезли мы двое. Не вдвоем, а именно двое – сначала она, потом я. Девчонка еще запищала так смешно: «Ой, кто там?», – когда я стал протискиваться внутрь, загородив ей весь свет. «Свои, свои, не бойся» – сразу на «ты». Когда в одной пещере – это уже, можно сказать, вместе, чего церемониться.

Пещера с самого начала показалась какой-то подозрительной. Узкий вход, бугристые стены в потеках, но не в этом даже дело. Этот запах... Я не то, чтобы часто лазил по пещерам, не знаю, как там обычно пахнет, только здесь пахло не просто сыростью и камнем, а чем-то еще, и запах как будто неуловимо менялся – то неуловимо тянуло дымком, то затхлостью, то и вовсе таким, чему трудно подобрать название. Луч фонарика выхватывал куски стены – то ли садились батарейки и слабел свет, то ли рука у меня подрагивала, но выглядело всё так, будто стена немного шевелится, и этот выступ – не совсем такой, каким был только что, а там, в углу, возник какой-то сталактит, которого я не заметил раньше.

Я стоял и обалдело шарил лучом по стенам пещеры. Чувствовался сквозняк, значит, где-то был другой выход, или хотя бы щель. Наверное, оттуда шли и запахи – может быть, у другого выхода стояла какая-нибудь забегаловка, оттуда и дымок, и запах жилья...

– Как странно здесь! – вдруг сказала девушка, и добавила, чуть помолчав, – и страшно!

– Да ничего особенного, – бодренько отозвался я тогда, хотя на самом деле вполне был согласен.

– А представляешь, вот эти камни, – вдруг продолжила она, – у них же своя жизнь! Тысячелетия, десятки, сотни тысяч лет растет такой камень. Как живое существо.

Она погладила каменный выступ причудливой формы. Кажется, это называется сталагмит?

– Представляешь, – вдруг сказала она, – он был тут, еще когда тут были эти древние, как их там?

– Угаритяне, – уточнил я.

– И еще задолго до них! Ему, может быть, двести или триста тысяч лет. Когда в этой пещере жили питекантропы, он был совсем-совсем маленький.

– А почему ты думаешь, – спросил я больше из занудства, чем из интереса, – что тут жили питекантропы?

– Ну, я не знаю, как правильно называются эти люди, может быть, неандертальцы, или еще как-нибудь. Но мне почему-то кажется, что они тут жили. Что вот этот вот камень их помнит, и нас запомнит, хотя что такое наша жизнь по сравнению с его жизнью... краткий вздох. И всё.

– Поэтично, – согласился я.

– И в этой самой пещере... – продолжила девушка, но я не расслышал продолжения. Фонарик мигнул раз, и мигнул снова, и погас окончательно, а земля под ногами как будто стала расползаться, и затрещали камни, словно мы залезли в чрево гигантского окаменелого ящера, и вот ящер задышал, очнувшись от векового сна. Я инстинктивно присел, закрыв руками голову, а девчонка даже не завизжала, хотя тут и была настоящая опасность – как-то изумленно охнула:

– Землетрясение!

Я и сам так подумал тогда, хотя отчего бы это во время землетрясения мигать фонарю? Ну, допустим, совпало так. Или какая-то аномалия в воздухе, электрические разряды, как во время грозы... ну не разбираюсь я в этом. А в такой пещере, казалось, и воздух был другой, и камень, и стены, и мы сами стали совсем не такими, как на поверхности.

– Голову береги! – только и крикнул я девушке в крошечной темноте. В темноте? Фонарь погас, но почему пропал свет из входного отверстия?

Но заметил я это не сразу – пещера ходила ходуном, и совсем это не было похоже на обычные землетрясения, когда качнется земля, да и только – пол вздувался и опадал, бурлил и перекачивался под ногами. Страшно было? Да страшно – не то слово! Это был животный, древний, темный ужас...

А девчонка не визжала – только вцепилась мне в руку, и как только нашла в темноте!

И вдруг все стихло. Я осторожно освободил руку (синяки, наверное, будут!), встряхнул фонарик. Но гореть он явно не хотел – пришлось достать зажигалку. Зажигалка сработала – чем примитивней техника, тем надежнее. Хорошо бы еще кресало и огниво... с инструкцией по использованию, разумеется. А то я даже не представлял себе, как они выглядели на самом деле.

В колеблющемся свете зажигалки пещера, казалось, стала совсем иной. Хотя... тот самый малоприличный нарост был вроде как на месте. Это из-за игры света и тени, или он в самом деле стал теперь чуть ниже, чем раньше?

– Вход завалило, – обреченно сказала девушка. Мне определенно нравилось, что она не паниковала – это и мне придавало уверенности. Если она сознает всю серьезность положения и не пищит, то мне уж и подавно нельзя разнюниться.

– Ничего, выберемся, – не слишком-то уверенно ответил я, – разберем завал, и...

– Смотри! – показала она на огонек зажигалки.

– Чего? – переспросил я и тут же его потушил, – будем газ экономить, а то хватит ненадолго.

– Зажги снова! – потребовала она, и я, было, решил, что она трусит в темноте. Впрочем, и я себя чувствовал не вполне уютно.

– Ну, вот... – маленький огонек заплесал в моих руках.

– Видишь, колеблется?

В самом деле, он наклонился и немного дрожал! Значит, воздух не стоял неподвижно, в пещере действительно был другой выход.

– Меня, кстати, Веней зовут, Вениамином – сказал я в ответ. Ну да, если уж попали в такое положение вдвоем – надо хотя бы познакомиться.

– А меня Юлей, – ответила девушка, – я из Москвы.

– Я тоже, очень приятно!

– Приятно будет, когда выберемся, – решительно ответила она, – пошли искать, где тут еще одна дыра.

И мы пошли искать. Ну да, сказать куда легче, чем сделать. Справа от меня оказалась стена, я вытянул руку, и, ощупывая стену, медленно продвигался вперед, а Юля придерживала меня за рукав слева. Зажигалку я пускал в ход только изредка – берег газ.

Оказалось, что пещера вытянута – стена скоро появилась и с левой стороны, так что Юле пришлось идти за мной. Пол, как ни странно, был довольно гладким, хоть и бугристым – возможно, в сезон дождей пещера из года в год наполнялась водой, вот он и отполировался. Стены постепенно сужались, и я вообще начал сомневаться, не углубляемся ли мы таким образом в тупик. Но когда я в очередной раз чиркнул зажигалкой, пламя дернулось и сразу же потухло – настоящий сквозняк! Не оставалось сомнений, что выход там действительно есть. Только почему не видно света?

– Мы на правильном пути, – решительно заявил я, – ну что, присядем, передохнем перед решительным рывком вперед?

– Ты не особенно рвись в темноте, расшибешься, – усмехнулась Юля. Судя по всему, она нашла, куда присесть, а мне пришлось пристраиваться на корточках.

– Ты где живешь в Москве? – спросил я. Надо же было о чем-то говорить!

– На Юго-Западе, точнее, в Беляеве, а ты?

– А я в Сокольниках. Раньше... ну, неважно, давно это было. Теперь в Сокольниках. А занимаешься чем?

– Да много чем. Рисую, леплю, украшательством всяким занимаюсь. Она фыркнула, припоминая что-то такое, о чем я не знал, – Короче много всякой разной ерунды.

– Ну вот и я примерно тем же, – ответил я как можно более мужественно, не вдаваясь в детали.

– Тем же – это в смысле художеств или ерунды? – в ее голосе звучал явный интерес, – Есть такое подозрение что разгильдяям свойственно притягиваться друг у другу... и притягивать на свою... кхм... голову всяческие приключения.

– Ремонтник я, – ответил я, решительно отвергая титул «разгильдяя», – квартиры ремонтирую... последнее время. Плитку кладу, всякое такое, электрику могу тоже.

– Тоже, значит, лошадка подневольная, от заказчицких фанаберий страдаешь, – сочувственно вздохнула она. – Заказчик – зверь страшный, чуть что не по нему – загрызет и не подавится. Твои тоже такие?

Я, признаться, удивился. Вроде как я для нее, вольной художницы – рабочий класс, черная кость. А вот нашла она между нами общее!

– Не без этого, – охотно согласился я, – хотя обычно договариваемся.

– Это хорошо, – ответила она и грустно добавила – А мне вот не всегда удается... Ну да ладно, ну их, надоели, еще в отпуске о них вспоминать. – Делать-то что будем? – чуть помолчав, добавила она – Так и будем сидеть и ждать, пока нас тут откопают?

– Все, пошли, – решительно скомандовал я, – давай я вперед, с зажигалкой, а ты за мной.

– Куда пошли-то? – неуверенно поинтересовалась она – Будем в Тома Сойера играть? Так я ни разу не Бекки Тэтчер, и мела у нас тоже нет – ходы помечать.

– Да вот же! – я снова чиркнул зажигалкой, – видишь, оттуда дует? Там воздух! Значит, выход, или хотя бы окошко.

– Ну ладно, давай попробуем, – неуверенно согласилась она. – А можно я за тебя держаться буду? А то вдруг тут мыши... летучие...

Мышей, кстати, не было. Вообще не было никакой живности в этой пещере, кроме нас двоих, и это как-то настораживало.

– Можно, – охотно согласился я. Здорово, когда за тебя держатся сзади!

Почти сразу же пришлось пригнуться. Потом опуститься на корточки... Стены сужались, но огонек зажигалки ясно указывал на близость выхода. Неприятнее всего, да просто даже страшно, было лечь на пол и ползти вперед по узкому проходу...

– Ничего, прорвемся!

Каменный лаз свернул направо, и... свет!

– Свет, Юлька, я вижу свет!

Сначала это был просто отсвет на стенах, и ползти становилось уже не страшно и не трудно (вот только на что будет похожа одежда? Да Юлька и вовсе в шортиках, не поранилась бы!).

И, наконец, за очередным извивом загорелось ослепительное пятно неправильной формы – небо!

3

Забавный он, этот Венька... Стараются казаться серьезным, а видно, что мальчишка мальчишкой, рад на самом деле, что мы в приключение вляпались. То есть, сначала-то он явно напрягся, особенно когда все вокруг ходуном заходило, но потом быстро себя в руки взял. А уж когда впереди забрезжил выход, тут он окончательно приосанился и потянул меня вперед как хороший буксир тащит на тросе шлюпку.

Интересно, откуда у них тут столько всяких камней и выступов? Мне почему-то всегда казалось, что пещеры внутри довольно ровные и гладкие, по крайней мере, стены. А здесь – это ужас какой-то, честное слово, только и успевай уворачиваться. Я десять раз успела пожалеть, что не напялила джинсы – в них хоть и жарко, но шкурка точно целее была бы. Хотя кто ж мог знать, что нас среди бела дня накроет землетрясением в пещере.

Коленку я все-таки ссадила, наткнувшись на особо зловредный выступ, но заниматься ей времени не было. Я только поплевала на ладошку и потерла царапину, чтобы не так болело, а потом рванула за Венькой вперед, на волю.

Чем ближе к выходу, тем светлее становилось вокруг. Так вот кто у нас, оказывается, Веня – москвич. Видела я его и вчера, и позавчера на пляже. Симпатичный малый, не качок, но ладно сложен, только тормознутый малость. Или мне показалось так? Уж больно он какой-то примороженный на фоне раскованной курортной публики, словно застегнутый на все пуговицы. Вылез из моря и сидит, книжку какую-то читает, к девицам со всевозможными шуточками не пристаёт, а потом опять в волны нырнул. Ну одно слово – ботаник. Вот уж никогда не подумала бы, что такой может быть из пролетариата... Не иначе, профессорский сынок, ушедший в глухой отказ и показавший родному семейству козью морду. Дескать, отцепитесь от меня, дорогие мама с папой, в гробу я ваш университет видал, все факультеты разом.

Ну да ладно, делать жизнь с кого – это его личная забота, может, у него дедушка любимый краснодеревщиком был. Или вообще семейная династия такая... Наше дело сейчас – наружу выбраться да дорогу к родимому автобусу отыскать. А то в этих подземных коридорах нас, похоже, далековато унесло от места высадки.

И тут, в первый раз с момента начала наших блужданий, меня настигла мысль о прочих соучастниках поездки.

– Вень, слушай, а как ты думаешь, – притормозила я перед самым выходом из пещеры, – а с остальными-то что? Мы их вообще сейчас найдем или..?

Я замолчала, потому что в голове сразу начали громоздиться картины всяких ужасов – засыпанные тела, обвалившийся вход в пещеру. Потом я сообразила, что внутри-то были только мы вдвоем, а остальные разгуливали снаружи, изучая доисторические руины, стало быть, им могла угрожать только внезапно разверзшаяся под ногами бездна.

Венька пробормотал «Найдем, куда они денутся» и решительно ринулся наружу. Я рванулась за ним, споткнулась, чуть не полетела носом и в итоге затормозила, впечатавшись в неожиданно крепкую венькину спину.

Нет, все-таки насколько снаружи лучше, чем внутри! Мысленно поминая незлым тихим словом свою не вовремя вспыхнувшую страсть к спелеологии, я шмякнулась на первый же попавшийся камень и попыталась разглядеть, что же там такое у меня с коленкой. Длинная узкая царапина с выступившей кое-где кровью уже засохла. На первый взгляд, ничего такого страшного с ней не происходило, но на всякий случай я решила промыть ссадину еще раз – кто его знает, какие у них тут в пещерах микробы водятся? А вдруг какие-то местные и потому особо зловредные?

Вытащив из рюкзака бутылку с водой, я намочила бумажную салфетку и потерла ей ссадину, смывая кровь. В ранке противно защипало, я подула на нее, вспомнив детское свое при-

словье «чувство, закройся!», я так сама себя гипнотизировала при особо неприятных медицинских процедурах. И в этот момент вдруг осознала: происходит что-то явно не то...

Окружающий пейзаж был похож на оставленный нами пару часов назад, разве что зелени с этой стороны дыры было гораздо больше. Как пару часов? Я с ужасом уставилась на циферблат. Мы же совсем недолго в пещере пробыли, что за ерунду мне тут стрелки показывают?

– Вень, у меня часы с ума сошли, – окликнула я своего невольного спутника, несколько нервно озиравшего окрестности. В руках у него была зажигалка и пачка сигарет.

Но ответить он мне не успел – откуда-то из-под земли вынырнул абориген, одетый в немыслимую хламиду (по жаре очень, наверное, удобно), а при нем – мальчик-подросток, обмотанный по бедрам грязным полотенцем. Видимо, шел купаться. Только почему-то он прижимал к груди блеющего козленка. Старший что-то с достоинством сказал Веньке на своем языке, и тот, на секунду замешкавшись, ему ответил.

«Во дают!» – пронеслось у меня в голове. – «Это у них что тут, целый спектакль для заезжих туриков, что ли? Молодцы ребята, антураж что надо! Теперь осталось только какому-нибудь замурзанному пацаненку вынырнуть из кустов и пойти по кругу с кепкой, сшибая с иностранных зевак законную монету».

Но иностранных зевак, кроме нас с Венькой, в округе не просматривалось. Абориген явно пытался наладить контакт, но у него не очень получалось, и тогда он просто махнул рукой, подзывая нас куда-то в сторону. Оказалось, там был плоский камень, на который можно было присесть, да и какой-то каменистый выступ прикрывал от утреннего солнца, уже довольно жаркого.

«Ну вот», – подумала я, сейчас начнется – «джаст файф долларз, мисс, вери найс!» Если будет предлагать верблюдов, убью сразу. Но верблюдов он не предлагал, и на английский не переходил, задавая вопросы по-своему, и Венька как-то смущенно на них пытался отвечать. Видать, ходил на какие-нибудь курсы арабского, только не очень хорошо учился.

– Вень, а Вень, чего он говорит-то? – дернула я его за рукав рубашки, – Далеко там наши или как? Может, проще будет машину взять, чтобы в гостиницу вернуться?

Местный с удивлением взглянул на меня, но тут же отвел глаза. А Венька, пользуясь паузой, наконец-то спокойно достал зажигалку и закурил.

Араб вытаращил глаза, а потом вскочил на ноги, и мальчишка выпустил козленка. Они смотрели на Веньку так, как будто не курили целую вечность, и теперь вся их жизнь зависела от того, поделится он сигареткой или нет. Все-таки умеют они тут попрошайничать! Зрелище было до того потешным, что я не могла упустить такую сценку, благо «мыльница» лежала в наружном кармашке рюкзака. Припомнив наставление из «Цифровой фотографии для чайников», я включила вспышку, чтобы вышло нормально против солнца в тени, и, резко вскинув руку, нажала на кнопку спуска. Может, это и невежливо, вот так вот снимать людей, но туристам можно.

А вот что последовало дальше... Венькин собеседник рухнул на землю, уткнувшись лбом прямо в сомнительного вида комы, напоминавшие чей-то помет, и закрыл голову руками, а подросток, схватив несчастного козленка, пал на колени и, не смея поднять головы, стал протягивать его нам с жалобными воплями. Впрочем, мужик вопил не менее жалобно.

– Он что, совсем того? – обалдело поинтересовалась я у Веньки, ошарашенная подобной реакцией аборигенов. – Можно подумать, фотоаппарата никогда не видели. И почему они нам этого симпатяжку продать пытаются? Нафига нам их козел сдался?

– Ничего не понимаю, – ошарашено ответил тот, – это какие-то неправильные арабы, и они делают неправильный намаз.

– А ты здорово по-арабски чешешь! На курсах учил, да? В Москве?

– Тссс! – неожиданно резко отозвался он, – и не арабский это вовсе... я сам не пойму...

– Вень, ну что стряслось-то? – я энергично дернула его за руку, – Хватит мне нервы мотать, в конце-то концов. Мало мне этих психов, еще ты тут неизвестно что изображаешь. Я с вами тут окончательно с ума сойду, вот увидишь!

– Эй, мистер, ви а рашен турист, ви нид э такси, пли-из, – выдала я, что могла, в адрес аборигенов, но они только горше завыли. Ну что за дурдом на прогулке!

– Месье, он а безуан лё такси а льотель! Эс'к он а ля ватюр иси? – но и вторая попытка оказалась совершенно бездарной. Впрочем, французский тут вообще не в кассу, мы ж не в Алжире, в конце-то концов? Точно я в этом сумасшедшем доме последние остатки разума потеряю, а еще отпуск называется...

4

Не арабский это был язык, сразу стало понятно. «Йишлам лека» – так он сказал мне, и парнишка эхом повторил его слова. Что ж тут было не понять? Братья-семиты желают нам мира. Я чуть было не брякнул такое знакомое и родное «шалом алейхем», вот уж некстати было употреблять на территории Сирии язык основного противника! Я-то в Сирию въезжал по российскому паспорту, а про израильский ни слова не сказал. «Салюму алейкум», – едва сообразил я ответить ему по-арабски, ну должен же гражданин Сирии владеть языком Корана хотя бы пассивно.

А вот собственный его язык явно был ближе к ивриту, чем к арабскому. Так это же арамеи, решил я. В самом деле, вот удача: я читал про сирийских христиан, армеев, совершающих богослужение на языке Христа и апостолов – и вот чуть ли не в первый день в Сирии я натываюсь на них! Жаль, что разговорный язык у них наверняка далеко отошел от того арамейского, который был мне слегка известен по недолгому моему знакомству с талмудической премудростью. Но договориться уж как-нибудь сумеем, в этом я был уверен. Должны же они понимать арабский!

Только арабский в моем исполнении они понимать категорически отказывались. Ну что ж, сложные отношения с династией Асадов, неприятие исламской культуры... арамейский у меня, конечно, был в полном пассиве, не то, что иврит и арабский. Но разобрать смысл удавалось: мужик явно интересовался, кто мы и откуда. Обращался он при этом исключительно ко мне, как и положено на Ближнем Востоке: если женщина с мужчиной, то все вопросы решает он, на женщину и смотреть неприлично. Особенно когда у нее коленки голые!

А что Юлька дергала меня все время за рукав, так это она просто не знала местного этикета. Так что я, не обращая особого внимания, спокойно отошел в тень, куда меня пригласил местный житель, и присел вместе с ним на камень. Пообщаться было очень интересно. Надо, и в самом деле, объяснить ему, кто мы.

– Анахна... русин¹, – ответил я, с трудом подбирая слова. Но мой собеседник хотя бы понял, о чем это я.

– Кана'аниту? – переспросил он

Ну вот, хананеи меня обзывает. Кого у них обозначают этим словом? Палестинцев? Израильтян? И кого, интересно, местные арамеи пускают на фарш первыми: израильтян или палестинцев?

– Ля, ля², – решительно замотал я головой, – анахна русин. Русийя, Москва, Кремль.

Лицо мужика не выражало ни-че-го, как будто я сказал «Буркина-Фасо». Ну вот, подумал я, поставляли им танки да калашниковы, денег ссужали без счета и без возврата, а теперь этот олух деревенский даже не знает, что такое Москва и где эта самая Русийя находится. Вот ведь неблагодарность людская!

– Анаку лемат-угарити³, – сообщил он после долгой паузы с достоинством, даже как-то приосанился.

Не успел я сообразить, что это было – имя и фамилия, или же название деревни (этот простофиля, возможно, и не знает, где вообще находится Дамаск, вот же олух нам попался!), как вдруг в разговор бестолково вмешалась Юлька. Нет, все-таки есть что-то хорошее в этих восточных традициях... В общем, это дело срочно требовалось перекурить, хотя я в принципе давно уже бросил. Но с собой в поездку на всякий случай маленько взял.

¹ «мы русские» (арамейск.)

² «нет, нет» (арабск.).

³ «я из страны Угаритской» (угаритск.).

Я протянул пачку мужику, предлагая ему сигаретку, он с недоумением на нее уставился, и тогда я закурил сам. Недоумение превратилось в полное изумление. Что ж, подумал я, у них, наверное, не принято курить во время разговора, надо бы как-то замять это дело, затушить, но очень уж захотелось подымить, и тут...

Вот еще только фотканья нам не хватало! Девчонкам, что в пять, что в двадцать пять, главное – фоткать и фоткаться. Всё испортили мы со своим куревом и фотоаппаратом, ну как же можно восточного человека без разрешения снимать, они, наверное...

А вот то, что сделали они, не поддавалось никакому описанию.

– Леуммийя адаттинийя!⁴ – завопил и пал на колени мальчишка, протягивая Юльке козленка.

– Лепа‘не адаттинийя кальнийя!⁵ – вторил ему заунывно старший, он и вовсе рухнул ниц, и надо признать, что выходило у них вполне слаженно. Только понять я не мог, что имели они в виду.

Надо сказать, смотрелись мы очень глупо на фоне этого неожиданного намаза. Юлька даже еще их пофоткала, а я уж и не знал, что тут думать. Ясно было одно: группы нашей нигде не видно, местность выглядит совершенно незнакомой и без малейших признаков цивилизации. Словно мы проползли под землей километров двадцать и вылезли в каком-то совершенно другом месте, куда еще не провели электричество и где, небось, не ловит сеть мобильник. Впрочем, свой я все равно оставил в отеле, ни к чему он мне был сегодня.

Да, что-то экскурсия у нас сразу не задалась...

Что ж, решение было только одно: выйти к вмняемым людям. Этот придурок, кем бы он ни был, вряд ли живет в пещере, и в его деревне, наверное, есть телефон, чтобы вызвать такси, есть карта – вообще какая-то цивилизация.

– Что ж, – сказал я Юльке, – мы сегодня из достопримечательностей осмотрели пещеру, а теперь, похоже, осмотрим родную деревню этого козленка. Во всяком случае, другого способа отсюда выбраться я не вижу. И всё из-за одного любопытного носа!

– Можно подумать, я тебя за собой в пещеру на аркане тащила, – ехидно ответила она, – Кто тебя заставлял за мной следом лезть? А теперь я же еще и виновата. Шел бы себе спокойно вместе со всеми – обошелся бы без экскурсии на козлиную родину. А теперь-то чего страдать?

Что ответить, я так и не нашелся. Да и чего тут болтать, выбраться надо, и побыстрее, пока нас в розыск не объявили. А эти всё стоят и стоят на коленях, и что с ними делать?

– А все-таки, откуда ты знаешь арабский? – переспросила она.

– Арабский? – я растерялся. Не хотелось говорить сразу всего, особенно в этой стране... – я расскажу, обязательно. Но не сейчас, ладно? К тому же это не арабы. Это, кажется, арамеи. Только какие-то слишком уж странные.

– Кто-кто? – переспросила она.

– Очень древний народ, арамеи. Жили тут гораздо раньше арабов. Сам Авраам, по Библии, называл себя арамеем. И Христос говорил с апостолами на арамейском языке, представляешь?

– Фигассе! – Юлька многозначительно кивнула. – Ты еще и по-арамейски рубишь? Круто!

– Ладно, давай его поднимем, что ли, – сказал я и подошел к местному жителю, который исчерпал запас заунывных заклинаний и приумолк. Да и мальчишка опустил козленка на землю и стал рассматривать нас пусть со страхом, но и с явным интересом.

Я тронул мужика за плечо, жестом попросил его подняться, он робко послушался. На лингвистические эксперименты меня уже не тянуло, я обвел нас всех рукой и показал паль-

⁴ «матери нашей, госпоже нашей» (угаритск.).

⁵ «к ногам госпожи нашей припадаем» (угаритск.).

цами, что мы теперь пойдем. Потом сложил ладони домиком, сказал ему: «байт!» (слово обще-семитское, должен понять), и ткнул его в грудь. Дескать, все вместе пойдем к тебе домой. Повторил второй раз и третий. Мужик, кажется, обо всем догадался.

Он повернулся к мальчишке, что-то резко ему приказал, тот передал ему козленка и куда-то побежал, только пятки засверкали. Пятки? В самом деле, мальчик был босиком (это по камням, по бездорожью, по колючкам местным), и вообще я только теперь заметил, как бедно оба они были одеты: мужчина в тунику, порванную и зашитую во многих местах, а мальчик так и просто в набедренную повязку. Последние бедуины так не одеваются, на самом-то деле. И куда только он побежал? Предупредить остальных? И как они нас встретят? Приключение становилось тревожным, хотя Юлька, кажется, этого не понимала.

Но мужик, взвалив на плечи несчастного козленка, с величайшим почтением звал, а точнее, приглашал нас в путь, причем обязательно хотел, чтобы мы шли первыми. Не очень было приятно ощущать за спиной дыхание такого психа, но что поделать – мы пошли.

Дорога оказалась не слишком длинной, километра полтора. Впрочем, и дорогой ее назвать было трудно – просто хорошо утоптанная тропинка, видно, что по ней ходили, а порой, судя по помету животных, ездили на ослах или верблюдах. Шли мы на запад, в сторону моря, и я не мог понять, почему, собственно говоря, здесь не было ни одного отеля, ни одного кусочка асфальта, да что асфальта – элементарной лавчонки, хоть домика – совершенно ничего. Что за экологический оазис?

Скоро нам попало какое-то чахлое поле пшеницы за невысокой каменной изгородью, потом еще и еще одно, небольшой виноградник... Людей не было видно, только где-то вдалеке, на склоне холме, брели овцы с пастухом.

Завидев их, наш спутник остановился и закричал, что было сил: «Пу илями! Банта-илима баа!». Ну да, всё понятно: здесь *илими*, *банта-илима* пришла. Всё понятно. Будем надеяться, что это так у них называют не обед из двух блюд в нашем лице, и не заложников, которых потом обменяют на мешки долларов.

Далекий пастух откликнулся, переспросил, наш спутник, повторяя свою «банта-илима», что-то объяснил ему, и пастух, вот чудак человек, точно так же пал на землю в нашу сторону. «Йишлам лека», – на всякий случай крикнул я ему выученное приветствие на местном наречии, он поднялся на ноги, мое обращение его, похоже, ободрило. Хорошо все-таки, что языки я с детства ловлю на лету.

– До чего же бедно они тут живут, – задумчиво сказала Юля и сфоткала пастуха.

– Зато вежливые очень, – ответил я, – прямо на землю падают, когда здороваются.

– Может, и нам так надо? – с сомнением спросила она.

– Кажется, нет, мы у них что-то вроде больших господ. Банта-илима ты у них какая-то.

– Сам ты банта-илима! – возмутилась девушка, – завел меня непонятно куда, и еще обызвается!

– А ты лучше батарейки побереги – мы в деревню когда придем, там наверняка много интересного будет.

– У меня запасные есть.

– И еще ты вот что... ты не особенно их в открытую фотографируй, ладно? А то видишь, как они непредсказуемо реагируют.

– Да ладно тебе, раскомандовался, – отмахнулась она. – Не захотят фотографироваться – сами скажут. Ну или дадут как-нибудь понять, не маленькие, в конце концов. Зато где ты еще такие кадры возьмешь? Пользоваться надо, пока момент есть!

Вдали уже всю синело море, а перед ним показалось что-то вроде селения. Местность была по-прежнему пустынной, и только навстречу нам кто-то двигался по дороге.

– Юлька, – сказал я, внутренне собираясь, – я не знаю, кто эти люди и чего им надо. Но в случае чего – беги, быстро беги куда-нибудь вдоль берега, ты наверняка найдешь там людей.

Полиция по-арабски – «шурта», громче кричи это слово, а потом расскажешь им, где меня искать. А я их задержу.

– Ага, щаззз, вот только бегать мне по такой жаре и не хватало, – засмеялась она, – ты посмотри, как они нас принимают...

– Пока не вижу, – мрачно ответил я, – всякое может быть, а я вообще-то...

Но договорить нам не дали. Процессия метров за двадцать до нас остановилась и встала в ожидании. Было там человек около пятнадцати, все мужчины, впереди стоял колоритный старик с седой бородой, и одет он был в такую же тунику, как и все, но поновее, поприличней. Мужичок наш как-то приотстал, и мальчишки не было видно, а мы смело пошли людям навстречу, и на всякий случай я пару раз крикнул «Йишлам лека».

А Юлька, вот глупая, ну совсем не бережет батарейки! – сфоткала эту группу со вспышкой. И еще раз, и еще!

«Банта-илима баа!» – с горестным воплем народ повалился на землю. Может, это на местном языке означает «не надо нас фотографировать»?

И только тут до меня дошло: ну конечно, общесемитские корни! И падежные окончания, как в арабском. Точно. Просто это у них двойственное число.

– Юлька, я понял, что за «банта-илима» – ошарашено сказал ей я, – мы тут вроде как дети божьи. Seriously!

5

– Какие еще «божьи дети»?! – чуть не заорала я, – Ты что, тоже рехнулся, как все тут?

Пожалуй, вопить подобным образом на малознакомца было не слишком прилично, но меня вся эта прогулка на родину козленка стала уже порядком раздражать. Мало того, что давно уже хочется есть, так вокруг еще эта толпа придурков... А мне, между прочим, давно уже в кустики пора. Но не будешь же постороннему мужику жалобно скулить «Венечка, мне отойти надо!»

И только впереди подходящий куст нарисовался, так на тебе, демонстрация, только что флагов и портретов почетных гостей не хватает. Мама рассказывала, они так всяких иностранных гостей встречали, еще до моего рождения. Топтались толпой где-нибудь на Ленинском и приветствовали дорогих товарищей Нубарака Карамеля с Вероникой Кастро. Нет, Вероника – это из совсем другой оперы, кажется. И вообще, ну их всех нафиг, писать хочу и все тут.

– Вень, подожди минутку, я быстренько, – сунула я парню в руки свой рюкзак, – Только пусть эти дядьки за мной не шлепаются, ладно?

Но этот придурочный (точно у них тут заразное что-то, вроде, нормальный мужик полчаса назад был, а туда же, свихнулся просто на глазах) цапнул меня за руку и сквозь зубы прошипел «От меня ни на шаг, поняла?».

– А в сортир тоже с тобой за ручку? – ехидно поинтересовалась я, но встречающая делегация опять что-то загалдела на своем птичьем языке, наш конвоир включился в общий клеткот, и я поняла, что лучше не рыпаться. Тем более, что венькины пальцы на моем запястье сомкнулись ничуть не хуже наручников.

– Ты можешь наконец объяснить, что весь этот балаган означает? – спросила я, когда гвалт слегка утих. – Сколько можно радоваться? Они что, дикие совсем, белых путешественников не видели никогда? Может, у них и радио с телевизорами тоже нет? И что туристы в природе водятся, они тоже не слышали никогда?

– Сама ты дикая! – внезапно прикрикнул Венька, у которого, похоже, тоже начали сдавать нервы, – Ты можешь наконец понять, что они вообще непонятно откуда такие взялись, и говорят на каком-то языке, которым уже пару тысяч лет никто не пользуется, а по-арабски ни бум-бум?

– И что? – огрызнулась я, – Ты хочешь сказать, что тут они консервированные что ли, специально для нашего удовольствия?

– Ну почему обязательно для нашего? – рассудительно парировал Венька. – Может, у них тут вообще специальный этнографический заповедник для туристов? Сейчас это знаешь как во всем мире модно? Строят какую-нибудь имитацию древнего поселения, наряжают статистов и заставляют их с утра до ночи жить как в той самой эпохе. Чтобы и язык настоящий был, и всё-всё-всё... И с посетителями обращаться должны, как будто те действительно в их эпоху забрели. Мне крестный фотки показывал – он в такой деревушке в Канаде был, и в Штатах такое тоже повсюду, какой хочешь эпохи. Только у них эпох-то никаких толком нет, два-три столетия назад это ерунда, а тут – навалом, тут Ближний Восток.

Упоминание о крестном меня неожиданно успокоило. Фиг его знает, может, они тут действительно решили в мейнстрим вписаться, чтобы быть не хуже Большого Брата? Но в роль мужики вошли классно – вопли с поклонами звучали весьма убедительно, да и вообще все окрестности даже близко не напоминали о современности – не то, что кусочка асфальта, даже отпечатка протектора не виднелось на пыльной дороге, ведущей в деревню. Вот интересно, они что, для полной аутентичности на работу в телегах ездят и на верблюдах верхом?

– Алейкум салям, – улыбнулась я и помахала рукой главному аборигену, решив, что подобный розыгрыш грех не поддержать. В конце концов, на работе люди, положено им так, ну так что, мне не жалко, могу и поиграть в их игру.

Мужик почему-то обрадовался так, словно выиграл в телевикторину тысяч пять баксов, воздел вверх руки и снова завопил что-то совершенно неразборчивое.

– Вень, мы что, так и будем тут любезностями обмениваться? – сквозь зубы поинтересовалась я, пристраивая на физиономию жизнерадостную улыбку. – Может, пойдем уже до хаты, должен же у них хоть в конторе телефон быть?

Венька снова что-то такое прокричал, толпа расступилась, пропуская нас вперед, а затем сомкнулась за нашими спинами как статисты на подтанцовке. Вожак с посохом шел рядом с Венькой, отступив от него буквально на полшага, и с очень важным видом ему что-то объяснял. Венька только угукал, и вид у него при этом был препотешный. Впрочем, я и сама вела я себя на этой экскурсии, как тетка из Жмеринки в московском бутике.

Фотик только и успевал щелкать, а я вертела головой как ненормальная. Нет, ну кем надо быть, чтобы согласиться работать экспонатом в этих трущобах? Это ж с утра до ночи, как папа Карло, изображать из себя доисторического земледельца, ходить в каких-то отрепьях, непонятно чем кормиться, и это все по местной жаре? А как же душ, холодильник, телевизор и прочие блага цивилизации? Представить, что кто-то мог согласиться на такие условия жизни добровольно, я не могла категорически.

Селение, как оказалось, было обнесено невысокой глинобитной стеной. Войдя в покосившиеся деревянные ворота, процессия остановилась на вытоптанном пятачке меж стен, а неподалеку мужики уже разводили костер и методично разделявали то, что еще недавно бегало и блеяло.

– Вень, спроси, где у них тут туалет? – зашептала я на ухо парню, потому что в этот момент мне уже было совсем не до приличий. – Ну хоть какой-нибудь, только быстро.

Венька как-то странно на меня покосился, а потом махнул рукой в сторону: какой-то мальчишка, отойдя на несколько метров от толпы, жизнерадостно орошал стенку, ничуть не смущаясь.

– Ты что, с ума сошел? – в первый момент не поверила я. – У них что тут, даже сортира нормального нет?! Впрочем, судя по запаху, так и было. Венька нетерпеливо отмахнулся а я, показав знаками, что следовать за мной не надо, отошла в том же направлении. Вот и куст какой-то колючий, но подходящий для маскировки. Но не тут-то было... Только я пристроилась, как сквозь ветки засветилась чья-то мордаха: девчонка лет десяти с нескрываемым любопытством и даже ужасом уставилась на меня, словно никогда в жизни не видела взрослых тетек, занимающихся таким неприличным делом.

– Отвернись, – потребовала я, но девчонка явно ничего не поняла, хотя я для убедительности повторила по-французски и на языке жестов. Но не тут-то было... Пришлось мне самой отворачиваться.

В лучших традициях дикого кемпинга ни рукомойников, ни кранов в окрестностях тоже не наблюдалось. Зато в рюкзаке у меня лежала, как обычно в дороге, упаковка дорожных бактерицидных салфеток. Вот они как раз и пригодились. Стоило протереть руки, как салфетка приобрела мой любимый цвет «кофе с молоком».

Вообще-то я не люблю мусорить на природе, но тут как-то не сообразила, бросила ее... И сразу полоумная девица вылетела из куста, подхватила салфетку и помчалась к подружкам, на ходу тарахтя и захлебываясь словами. А я поправила одежду и спокойно вернулась к спутнику.

Толпа вокруг нас хорошо вошла в роль: разом потеряв дар речи, дружно уставилась на меня, словно я невеста что мистическое проделала. Местные дамы тем временем установили прямо под открытым небом пару низких столиков, раскидали по сторонам порядком вытертые половики, после чего потащили одна за другой керамические плошки и целые тазы с тра-

вой, овощами, лепешками, странного вида субстанцией, в которой Венька опознал козий сыр. Мужики тем временем воткнули деревянные шесты в заранее приготовленные ямы и ловко соорудили что-то вроде навеса из пальмовых листьев. А от костра уже тянуло свеженьким шашлычком.

– У нас что тут, еще и обед в программу включен? – поинтересовалась я, – А платить кто за банкет будет? Смотри, выкатят нам сумму с большими нулями – расплачиваться чем будем? У меня лично с валютой фигово, я на ресторанное обслуживание не подписывалась.

– Да что ты все дергаешься, расслабься, – неожиданно строго заявил Венька (эк он тут моментально местным духом пропитался), – Приглашают нас, непонятно что ли?

– Не-а, непонятно, – парировала я. – С какой такой радости им нас приглашать? Мы что им, любимые двоюродные племянники, прибывшие с родственным визитом из-за океана, чтобы нас на халяву парными шашлыками кормить? Где ты такое в турбизнесе видел?

– Юльк, я правда ничего не понимаю, – неожиданно растерянно ответил Венька, – Ты видишь... Они называют нас «сынами божьими», сколько я им ни объяснял, что это не так. И просят разделить с ними трапезу. Сначала вообще говорили, что жертву принесут, я только не понял, то ли нас самих, то ли этого козленка в нашу честь. Ну, неважно, за стол зовут, а отказаться – это на Востоке значит обидеть по-крупному, понимаешь? Так что давай пока... ну, короче, не особо выступать. Потом разберемся, ладно?

– Нууу... ладно, неуверенно согласилась я – Будем надеяться, что все обойдется...

Колдовавшие над барашком мужики выглядели настолько колоритно, что я не удержалась и сделала пару снимков. Явный брак я всегда стираю сразу, так что сразу посмотрела на экранчике, как оно вышло – пришлось отойти в тень и прикрыть экран ладонью от солнца. Выбрав кадр поудачнее, я сунула аппарат под нос главному шаману – надо же как-то отношения налаживать, пусть порадует старичок, как похоже получилось.

Дедулька явно отнесся к своему изображению без большого энтузиазма, только скользнул по нему взглядом и все. А другой дядька, помоложе и пониже рангом, сунул ему через плечо, что-то такое встревоженно прочирикал, тыкая пальцем то в экран, то в дедка, и вдруг горестно завыл, с ужасом глядя в погасший экран. Послушав завывания молодого, старший абориген включился в симфонию ужаса.

– Вень, чего им опять не так? – поинтересовалась я, с недоумением глядя на тоскующего мужика. – Фотка, что ли, не понравилась?

– Фотка-то понравилась, – задумчиво отвечивал Венька, обменявшись со страдальцем несколькими фразами. – Но они тебя просят вернуть им их души...

– Какие души? – поразила я, – Венечка, ты уверен, что все понял правильно? С какой стати мне их души сдались?

– Уверен... – обалдело подтвердил Венька, – Они очень расстроены, что ты забрала с собой душу старейшины поселения, и теперь ему не жить. Поэтому общественность слезно умоляет тебя вернуть почтенному Ибрагиму или как там его – душу, его главную собственность.

– Во дают! – восхитилась я, – Это ж надо так в роль войти! Слушай, может, они тут все – прирожденные актеры, а? Воют так, словно у них тут поминки любимого дедушки. Объясни ты им, что ли, что ничего я не забираю, это просто фотка... А то за этими их воплями мы так до еды и не доберемся.

– Ты включи камеру обратно и картинку мне его выведи, – скомандовал Венька, и я на сей раз послушалась. А он поднес фотик прямо ко рту, а потом, повернувшись лицом к старейшине, дунул на картину и ему на физиономию – и тут же выключил экран. Дядьки радостно загалдели.

– Видишь, как они нервно реагируют, – сказал он мне с упреком, – не надо лучше!

– Да ла-адно, – отмахнулась я, – если заповедник, так пусть отрабатывают.

– Ну тогда хотя бы картинки им не показывай! – попросил Венька.

А есть, меж тем, хотелось уже просто умопомрачительно. Закланый агнец, или кто он там, запахи источал самые соблазнительные, и я чувствовала, что еще пять минут проволоочки – и я скончаюсь прямо на месте в жутких голодных муках. Но судьба была к нам милостива – главный дедок, наслушавшись венькиных рассказней, слегка притих и позвал нас к столу, хотя на фотик в моих руках косился весьма опасливо.

Ждать второго приглашения я лично не стала. Стульев нам, для пущей аутентичности, тоже не выдали, так что пришлось последовать примеру аборигенов и по-походному усесться прямо на коврик. Зато над нами растянули покрывало на палках, очень кстати по такой жаре. А сидеть – ну да ладно, нам не привыкать, посидим и по-турецки... Зато вот она – еда! Горяченькая!

6

Жрать и в самом деле хотелось – со всеми этими приключениями прошло невесть сколько времени, а завтракали мы давно и очень легко. Сколько бы ни слупили, а дешевых вариантов типа фалафеля или шоармы (она же по-московски шаурма, а по-питерски шаверма) в пределах досягаемости не было.

От одного вида этой нежной молодой баранины в желудке аж заурчало, рядом стояло еще одно блюдо с лепешками, и третье – с зеленью. И огромный кувшин с... да, с вином! Вот тебе и главное доказательство, что перед нами были никакие не мусульмане, а кто-то иной.

А тарелок там или вилок никаких не было, или хотя бы даже стаканов – только такие же грубые, в деревенском стиле раскрашенные керамические плошки для вина, да и тех было всего несколько штук разного размера.

Старейшина жестом пригласил нас садиться, и я, скинув сандалии, совсем уж было собрался расположиться по-турецки, но решил, что руки помыть бы не мешало. Юлька туалета, кажется, не нашла, так что я постарался выяснить насчет этого у старейшины, по-арабски и по-английски, но он меня явно не понял. Ну не знал я, как по-арамейски называется это заведение, совершенно не знал! И тогда просто я просто плюнул и перешел на иврит, вдруг сообразит.

Про сортир он, впрочем, не знал и на иврите. Зато при звуках этого языка оживился... и стал мне отвечать! Иврит у него выходил, правда, какой-то странный, сперва я подумал, что с палестинским акцентом, как на территориях малограмотные крестьяне говорят. Но на самом деле это был вообще другой, хоть и похожий очень язык, выговор у него был очень своеобразный, и вставлял он то и дело незнакомые мне словечки. Но мы наконец-то стали друг друга понимать. Руки помыть – это оказалось запросто, нам тут же поднесли еще одну большую керамическую чашу с довольно мутной водой (ни мыла, ни полотенца!) и после того, как мы сполоснули в ней руки, чуть ли не вся деревня, строго соблюдая очередность, сделала то же самое. Не меняя воды, разумеется. Странные у них все-таки были обычаи! А насчет облегчиться, это можно было пока отложить. Тем более, что баранина пахла совершенно фантастически.

Мы сели на циновки, старейшина начал с какого-то длинного и очень цветистого тоста на своем ломанном иврите, из которого окончательно стало ясно, что нас называют богами. «Человеки мы, человеки», – попытался я объяснить, но это мое заверение было понято как полное согласие со всем сказанным выше, так что пришлось замолчать.

– А есть-то когда будем? – переспросила Юлька.

– Да подожди, неудобно прежде хозяев кусок брать, – ответил я.

– А мне удобно, я голодная, – сказала она и протянула руку к блюду с мясом.

Ну никакого представления об этикете! А старейшина, повинуясь малейшему движению ее руки, сам немедленно замолчал, подскочил, схватил блюдо, подал нам с поклоном, очень неудобно получилось!

– Юлька, ты дикая. Тебя сдадут в гарем на перевоспитание! – возмутился я скорее для виду, а на самом деле радовался, что можно уже пожрать.

– Я их сама там перевоспитаю! – смеясь, ответила она, – ты лучше узнай, как у них тут с вилками.

Вилки, действительно, не было. Нож лежал только один рядом с блюдом, какой-то очень уж старый и щербатый, и тогда я достал из кармана свой, складной, раскрыл его, подцепил хороший кусочек, взял левой рукой верхнюю лепешку, вложил ее в Юлькины руки и положил, как на тарелку, ароматнейший и сочнееший кусочек.

– Киндзу там и петрушку сама сверху положи, тут так принято!

– А что, тарелок и вилок совсем не предполагается? – удивилась она.

– Похоже, так. Да ладно, ничего страшного, если тебе надо порезать, то вон нож лежит.

– Может, я твоим лучше?

– Да тебе вот этим будет удобнее, – сказал я и подал ей колхозный инструмент. На самом деле, не люблю я давать свой нож другим людям без крайней необходимости. Нож, это вроде автомата или компьютера, у каждого должен быть свой.

Юлька фыркнула и начала неловко резать мясо на весу. А я положил еды себе тем же манером.

– О мой господин, сын бога, прости раба своего, и если я нашел милость в очах твоих, поведай рабу своему! Сия госпожа, мать и владычица наша, дочь богини, она старшая сестра господина моего? – церемонно переспросил старейшина.

– Какого господина? – не понял я.

– Сия госпожа, мать и владычица наша, дочь богини, она твоя старшая сестра, господин мой, сын бога?

– Почему ты так решил? – удивился я.

– Мой господин, сын бога, хорошо служит своей старшей сестре, владычице...

– Нет-нет-нет, – запротестовал я. Вот еще, произведут меня в гувернеры этой самой владычицы, матери их, – но у нас просто так принято, что женщине дают кусок прежде мужчины.

Тот ахнул:

– Воистину, как далеко небо от земли! Покрой грех раба твоего, ибо не знал раб твой, что так же далеки пути богов от наших путей.

И что-то стал объяснять своим соплеменникам, к большому их удивлению.

– Я смотрю, ты с ним нашел общий язык, – удивилась Юлька, наспех запихивая в рот первый кусок – как быштро!

Некоторое время рты наши были заняты, так что обсудить лингвистическую ситуацию было некогда. А потом нам поднесли чаши с вином. И я решил, что надо проявить инициативу, приосанился, поднял чашу и сказал тост:

– Друзья, мы благодарим вас за вкусную еду!

– Мы нашли благоволение в очах сынов божьих! Наша жертва им приятна! – завопил старейшина и тут же громко и радостно залопотал на своем языке, из которого я понимал только отдельные словечки, и то не был уверен, что правильно. Толпа снова ахнула, на этот раз радостно, и поклонилась нам. Только тут я обратил внимание, что на корточках перед нами сидел только старейшина, а остальные почтительно стояли кругом.

– Друзья, садитесь к столу, здесь на всех хватит! И вина себе налейте!

Мне как-то даже неловко было пить, пока ни у кого не было в бокале, то есть в плошке. А Юлька, паршивка, уже пригубила и скривилась:

– Вино у них совсем никакое. Не умеют арабы вино делать!

А толпа, радостно кланяясь и галдя, стала рассаживаться вокруг стола. Старейшина, налив себе вина, подсел к нам и завел привычную песнь:

– Рабы ваши нашли благоволение в очах господ своих, дочери богини и сына бога, да не прогневаются господа наши, владыки наши, на рабов своих...

– Хватит уже, – ответил я и чокнулся со старейшиной, который явно не был знаком и с этим жестом, – давай уже выпьем!

Вино было слабеньким. Разбавленным, точнее, причем сильно разбавленным. Так, кислятинка... Да и вкуса никакого. Я залпом осушил чашу, и мне тот час налили из кувшина еще, да и Юльке подлили. И мясо, кстати, было у них каким-то недосоленным, и совершенно не перченным. Специй пожалели, что для ближневосточной кухни очень странно смотрится. Я думал, будет сплошной огонь во рту!

– Ладно, ты мне скажи, откуда ты иврит знаешь? – спросил я старейшину.

– Раб твой не знает «иврит», сия премудрость открыта сынам богов, – ответил он.

– А язык, на котором ты говоришь?

– Раб твой говорит на языке Тира и Сидона, словами хананейскими, ибо вот уже много лет как приходят оттуда к рабу твоему, и продают, и покупают. И были годы, когда милостивы были боги к стране Угаритской, и много было гостей из Тира, и Египта, и Крита, и дальних островов, и были здесь сыны хеттовы, и сыны амореев, и сыны Ханаана, и сыны...

– К чему-чему-чему были милостивы боги? – переспросил я.

– К стране Угаритской, господин мой.

– И ты знаешь, кто такие амореи и хетты? И знаешь Ханаан?

– Знает раб твой, и как не знать того!

– Но не знаешь, что такое туалет, телефон, автобус и полиция?

– Сие открыто сынам богов, но не нам. Сего не слышало ухо мое, и не видел глаз мой, и отцы наши не поведали нам о том.

– И может быть, ты никогда не слышал про Башара Асада? Про Сирийскую Джамахирию? Про Америку и Россию, про Израиль и Турцию?

– Много есть на вышних небесах загадок, неведомых смертным. Башар Асад – не имя ли то острого меча, которым режет мясо господин мой? Джамахирия – не небесный ли свет, который озарил рабов твоих? Или то благоуханный плат, которым отирала руки владычица моя?

И он бережно положил предо мной порядком поюзанную гигиеническую салфетку. Судя по всему, после Юльки ей вытиралась вся деревня, и насчет благоухания он явно преувеличил.

И тут меня стукнуло, озарило, вставило, или как еще это называется – и я расхохотался. Ну да, как все просто. Как всё идиотски, примитивно, безнадежно просто. Как всё сошлось одно к одному...

– Юлька, вот что! Мы с тобой попали на ту самую экскурсию в древний Угарит. Понимаешь? Мы в Угарите. Самом что ни на есть древнем Угарите, точнее в его окрестностях тыщи за полторы или сколько там лет до нашей эры, за три с лишним до изобретения телефона, интернета и суверенной демократии. И до нашего с тобой рождения, кстати. И как отсюда выбираться, я понятия не имею. И даже какой сейчас год, нам никто тут не скажет, потому что нет у них ни сортира, ни телефона, ни календаря, ни учебника истории древнего Ближнего Востока. Мы попали. Мы попали так, что...

Я вообще-то стараюсь не материться, особенно при девушках, но в тот раз не удалось сдержаться.

7

– Венька, ты охренел? Какой, нафиг, древний Угарит, очнись! Тебя что, так от местной килиятины вставило, или ты какой-то фигней задвинуться успел?

От изумления я, кажется, орала на всю деревню – не помню. Слишком уж резким и неожиданным стал Венькин выход из-за печки. И какая муха его укусила? Сидели, тихо-мирно шашлычком баловались. Ну да, несоленым, конечно, но это нормально. Заповедник же, аутентичность и вся прочая хурда-бурда. Или он что думал, что экскурсию ему выборочно устроят – здесь античность, а здесь вполне себе современность? Дудки!

Молодцы арабы или кто они там, чисто сработали – погружение полное, комар носа не подточит. И актеров явно не самых бездарных подобрали, вон как импровизируют лихо. Интересно, что за безумный шейх всю эту этнографию спонсирует? Она ж, поди, диких деньжищ стоит, ни одно государство ради туристов так разорваться не станет.

Внезапно в ответ на мои вопли Венька загнул такую тираду, что даже у меня, в общем-то, не дочери камергера, уши в трубочку свернулись.

– Эк ты их лихо... приласкал, – вырвалось у меня, когда затихла последняя фиоритура. – Интересно, как бы оно в натуре выглядело, ну что ты сейчас словами изобразил?

Вот не каждый такое изобретет. Только Венька почему-то шутку поддержать не пожелал, напротив, мрачно зыркнул в мою сторону.

– Дура ты, Юлька, – процедил он сквозь сжатые зубы. – Нас действительно в прошлое занесло. Пещера эта долбанная...

И я с немалым интересом выслушала все то, что именно пожелал сделать Венька с пещерой, равно как и со всеми ее предками по женской линии до седьмого колена.

Да уж, прихватило парня крепко. Неужто это его солнышком так напекло, до доисторических глюков? Что ж в путеводителях ничего не сказано, что местная жара может приводить к такому отъезду крыши?

– Ну хорошо, хорошо, – успокаивающе забормотала я. Когда у психов обострение, с ними лучше не спорить, это даже дети малые знают. – Угарит так Угарит, можно и тысяч пять лет назад, я не против...

Во взгляде Венькином читалась такая вселенская тоска, словно он на веки вечные отказывался признавать у меня наличие хоть малейших признаков разума.

– Слушай, ты правда недоразвитая или только придуливаешься? – сквозь зубы спросил он.

Аборигены перестали галдеть и с напряженным вниманием уставились на нас, словно гадали, подеремся мы тут прямо у них на глазах или обойдется без развлечений.

– Ты что, не видишь, что тут вообще нет следов цивилизации, никаких? – продолжал тем временем Венька, вновь обретший возможность изъясняться человеческим языком. – Хрен с ним с заповедником, но не живут же они здесь постоянно, правда? То есть, не жили бы, если бы это только для туристов сделано было. Значит, им как-то сюда приезжать нужно, так?

Я неуверенно кивнула. Вообще-то да... Мысль о том, что окружающая публика могла по-настоящему жить в таких антисанитарных условиях, показалась мне совершенно дикой и неправдоподобной.

– Ну вот, – подтвердил Венька. – А ты следы протекторов хоть где-то видела? Ну не здесь, а по дороге, а?

Я напряглась, припомнила наш путь в этот шашлычный оазис, и помотала головой – следов машин в окрестностях явно не просматривалось.

– А самолеты? – продолжал наседать Венька, – Ты хоть один самолет в небе видела? А ведь тут постоянно что-то в небе болтается то туда, то сюда. А антенны? Линии электропере-

дач? Хотя что-то из этого обязательно должно было по дороге встретиться. А ты что-то из этого видела? Только буйная зелень повсюду, словно мы и не в Сирии, и узкие тропки аборигенов!

– Не-еет, – почему-то шепотом ответила я, безуспешно гипнотизируя темную точку в пронзительно синем небе и отчаянно умоляя в душе, чтобы это был самолет. Но точка, приблизившись, оказалась довольно крупной птицей. Покружив над пиршественным столом, птица хрипло выругалась и улетела восвояси.

Да уж, это верно: никакие блага цивилизации в последние несколько часов нам-таки не встретились. А Венька тем временем увлеченно вещал что-то про телефон вперемешку с Тигром, Ефратом и родственником их Угаритом, про неправильный иврит, отсутствие сортиров и пряностей и еще кучу всякого разного, что в голову уже не лезло.

– Венечка, но это же... – неожиданно для самой себя я повторила кое-что из Венькиного лексикона, – Ой, то есть, я хотела сказать, что это ... плохо как-то очень... неправильно!

На Веньку неожиданное пополнение моего словарного запаса, похоже, особого впечатления не произвело. Он хмуро махнул рукой, пробурчал что-то типа «Да ладно...» и покосился на солнце, уже клонившееся к морской синеве вдали.

– И... и как мы теперь отсюда станем выбираться? – ничего умнее этого вопроса мне в голову не пришло.

– Не знаю. Думать будем, – довольно резко ответил Веня и снова заклекотал с главарем аборигенов на непонятном языке.

В общем, мне не оставалось ничего другого, как закусить и выпить, и снова закусить, и... Нет, решила я, обжорство до добра не доведет. Лучше было разведать обстановку, и я, поднявшись на ноги и коротко кивнув Веньке, пошла прогуляться по деревне. За мной тут же увязалась толпа, состоявшая исключительно из женщин, поскольку за столом у них сидели одни мужчины. Угорят они тут или не угорят, а вот с половой сегрегацией у них тут точно не порядок, подумала я.

Деревня оказалась довольно большой, но застроена она была совершенно бестолково. Глинобитные дома с небольшими деревянными дверками лепились друг ко другу, народ, похоже, весь был на площади, где потчевали нас. Я потянула на себя одну из приоткрытых дверей, за которой слышался детский плач. Местные тетеньки мне ничего не возразили, только ахнули и загалдели по своему. Впрочем, если бы и захотели возразить – я бы все одно ни шиша не поняла.

Перешагнув порог (для этого пришлось как следует нагнуться), я оказалась в небольшом внутреннем дворе. Слева был навес, справа и прямо комнаты, а вдоль наружной стены были навалены какие-то тюки вперемежку с большими кувшинами. Пахло чем-то прокисшим, и прогоркшим, и одновременно вспотевшим, и...

Что-то мелькнуло за дверным проемом передо мной, и детский плач усилился.

– Не бойся! – сказала я по-русски, раз они все равно никакого моего языка не понимали, – не укушу! Баю-баюшки баю! Агу-агу!

В ответ на «агу» из двери робко выглянула девчачья мордашка, лет этак десяти, тут же с писком спряталась обратно, а за спиной у меня раздалась приветственная тирада на местном невнятном языке.

Обернувшись, я увидела даму... неопределенных лет, отчаянно жестикулировавшую в моем направлении.

– Ничего-ничего, я только посмотреть, – смущенно сказала я и собралась уже было выйти наружу, как вдруг изнутри дома выскочила та самая девчонка в коротеньком платьице, а на руках она несла совершенно голого и довольно упитанного младенца. Увидев меня, младенец забулькал слюнями и улыбнулся. А девчонка что-то залопотала.

– Плюти-плюти-плют! – вспомнила я про Карлсона и изобразила перед носом младенца что-то вроде козы-дерезы. А он отважно ухватил меня за палец – и вздох восхищения прокатился по толпе местных тетенок.

Ох, лучше бы я этого не делала... В общем, следующие часа два, а то и три мне пришлось старательно обходить дом за домом. Хозяйки были очень гостеприимны, я бы даже сказала, навязчивы. Меня только что не силком волокли (руками, правда, не трогали, ну, почти), совали под нос младенцев разной степени грязности и упитанности, и над каждым надо было сделать козу и сказать: «Плюти-плюти-плют!» Я, было, попробовала «Агу-агу», но мамаша была так разочарована, что немедленно пришлось утешать ее плюти-плютом. За что я была тут же награждена каким-то премиальным пирожком, довольно, впрочем, вкусным, как раз после этой жирной баранины.

Некоторые подводили даже ребятишек постарше, лет трех-четырех, а то и шести, таких же чумазных и голопузых, но тут уж я решительно забастовала. Если надо перетютёшкать всех их младенцев за эту их баранину, то так уж и быть, но воспитательницей детсада я им точно не нанималась! Тем более, пирожки их в меня уже не лезли, и вообще, столько всякой дряни они мне насовали в рюкзачок за эти плюти-плюты...

Приключение было утомительным, но немного забавным. А когда я вернулась к месту трапезы, солнце уже клонилось к горизонту, а Венька – к плечу старейшины. Языком он уже практически не ворочал.

– Культурно отдыхаете? – спросила я ехидно, – а я, между прочим, провела осмотр младенческого населения этой деревни. По моим подсчетам, здесь обитает не менее двадцати пяти грудничков! Большое у них село.

Хотя, может быть, я несколько преувеличила, но уж не меньше дюжины младенцев у них было, это точно.

– Спать пора, – хмуро отозвался Венька, зевая во всю свою пасть и одновременно икая, – Завтра дорогу будем – ик – икскать. Обратно. Ик.

– Как спать?! – в ужасе переспросила я, не представляя, как в таких антисанитарных условиях можно вообще куда-то лечь.

– Молча, – тоном, исключающим пререкания, парировал парень, и снова икнул.

Пришлось тащиться следом за ним в недра сомнительного вида мазанки, прямо у той самой площади. Там нам выдали гору остро пахнущего скотским, а то и человеческим потом тряпья, из которого Венька с третьей попытки свил что-то вроде большого гнезда.

– Ложись давай, – скомандовал он и на всякий случай добавил – Можешь не раздеваться.

Последнее уточнение было совершенно лишним – в таких условиях я и под угрозой расстрела не отважилась бы с себя что-то снять.

– А умыться? – возразила я

– До ветру – в поле, ик. Умыться – в море, завтра, – ответил он.

– А ты-то как? – поинтересовалась я, пытаясь устроиться на импровизированном ложе, чтобы было хотя бы не очень больно и жестко. С умыванием, конечно, был полный пролет.

– А – ик! – глухо ответил Венька, укладываясь рядом, спина к спине, и вытягивая ноги в сторону дверного проема. – Кто войдет – сразу ик! И я его – ик!

– Ага. Спок нок, – пробормотала я в полной уверенности, что бурный день надолго отбил у меня способность ко сну – но в сон я провалилась раньше, чем додумала эту самую мысль до конца.

8

Ох и болела же следующим утром голова! И еще красавица эта зудела над ухом: дескать, напился, ругался... сломал деревцо познания добра и зла, и вот теперь нам не будет обратной дороги. И угаритские народные песни хором с вожаком распевал. А я, между прочим, не просто так пьянствовал, Я, можно сказать, в шоке был. Она бы на себя посмотрела: совсем получился цыпленок ошипанный. Даже жалко ее стало, злиться – ну никаких сил.

И вообще, я не просто с вождем бухал. Я информацию добывал, с большим, надо сказать, трудом. Немногое, правда, прояснилось: времена угаритского величия прошли, город лежит в развалинах, а люди в округе занимаются всё больше простым крестьянским да рыболовным трудом. Наезжают к ним финикийские купцы, за рыбой да за прочей сельхозпродукцией, им привозят импортное барахло. Я всё пытался сообразить, какой это век, но не мог. Я помнил, что процветающий Угарит – это еще до Ветхого Завета. Но насколько раньше? И когда он был разрушен? Ни о каком Израиле они не слышали, об ассирийцах, вавилонянах, персах или греках тоже – словом, попали мы в какое-то безвременье и захолустье, никаких тебе мировых империй, только где-то далеко есть Египет, и он, похоже, в очередном периоде упадка. А они живут запросто своей деревенской общиной, молятся богам, за которых они нас, собственно и приняли. Я, правда, сразу постарался его в этом разубедить.

Всю эту политинформацию мне следовало изложить Юльке – но сначала надо было как-то умыться и привести себя в порядок... Что же они такое подмешивают в свое вино?

В общем, пришлось для начала... наружу выйти. А у входа в дом – уже трое местных, глаз не отрывая, смотрят. Поприветствовали... и за мной пошли, за стену поселения. Неловко даже как-то, хоть и мужики. Отвернулся от них – так один спереди зашел. Ну ладно, думаю, в армии и не так еще приходилось, да еще смотрели, вдруг кто не обрезан, тут уж чего стесняться... И как первый это дело увидел, завопил сразу, побежал куда-то. И старейшину вчерашнего с собой привел.

Тот, поприветствовав меня, перешел к главному на сегодняшний день вопросу:

– Права была дочь кузнеца, о мой господин! Я сказал в сердце своем, что мала она и неразумна, и глаголет пустое, но вот, ты мочишься к стене, как один из смертных! Увы нам, ибо ты и вправду не сын бога!

Наконец-то разобрались, а я ведь сколько им толковал: «сын Адама, дочь Евы»... нет у них никаких Адама и Евы. Куча всяких богов и предков есть, а этих не было и нет. Только не в том я был состоянии, чтобы диспуты богословские вести. Эх, рассольчику бы...

Дома меня ждала с кучей недоумений Юлька. Собственно, главных вопросов было три: кто же это я такой, что так хорошо на местном наречии разговляю, где мы вообще оказались и как отсюда выбраться. Кажется, до нее, наконец, дошла вся серьезность нашего положения.

Первое объяснить было проще простого: израильтянин я по паспорту, современным ивритом владею свободно. Библейский от него не сильно отличается. Ну и способности у меня кое-какие к языкам... Я же еще маленький был, когда родители эмигрировали в Израиль. Только не прижилось мое семейство на «исторической родине», потянуло на доисторическую, то бишь в Россию. Так что три года назад перебрались мы обратно в Москву, благо, гражданство сохранилось российское, а знания и навыки – израильские, лично у меня. Тосковал первое время сильно по родным пальмам и кактусам... Трудно все-таки в двадцать пять менять страну проживания.

У меня вообще-то только одна бабка еврейка по материнской линии, чтобы признать меня евреем – вполне достаточно, чтобы гражданство израильское дать – тоже. А семья была русской, конечно, по культуре и по языку, кроме нескольких слов на идише, и не знал никто

ничего. Ну вот и окунулся я в израильщину по самую макушку. Дома – по-русски и только по-русски, в школе на иврите, на улице вообще на всех языках сразу, и по-арабски тоже.

В армии повезло служить в «Голани», в бригаде спецназа. Так что с территорий мы не вылезали, там этот бытовой арабский очень пригодился. Да и после армии работал на стройке, а там кто рабочие? Те же арабы. Вот и выходит, что два семитских языка знал свободно, третий, арамейский – немного по книгам учил, просто интересно стало. Язык Христа, в конце концов. Ну, а где два с половиной, там и три, и четыре. Тем более, финикийский и древнееврейский – их можно считать разными ханаанскими диалектами, настолько похожи. Зато вот угаритский язык от них сильнее отличается, хотя все равно очень близок, ну как польский или даже украинский к русскому. Привыкнуть можно быстро. Со старейшиной мы так и говорили: я ему слово на иврите, он мне на финикийском. Только Юлька очень удивилась, когда про утренний мой туалет узнала. И, ужасно смущаясь, спросила, как это такая мелочь нас лишила божественного статуса. Что ли боги как-то иначе нужду справляют?

Боги... да кто их разберет, этих богов языческих, чего они там только не вытворяют. Только был такой случай у институтков в России XIX века: приходил к ним в Смольный некий архиепископ или даже целый митрополит. Ну, и зашел в туалет. А одна барышня, как увидела его выходящим из туалета, в обморок хлопнулась. Не то, чтобы она его не считала человеком, но просто совместить не могла: как это митрополит – и в туалете? А уж сын бога, который так запросто... Да и «мочащийся к стене» – библейское, между прочим, выражение. Так называли мужское население, которое в случае непорядков беспощадно вырезалось, а женщин и младенцев угоняли в плен. Вот когда разглядели нас с Юлей по этой части – тут им и стало всё ясно. Слишком всё прозаично, в «банта илима» таких не берут.

– Ну ладно, – хихикнула Юлька на мои объяснения, – ... а как ты этому самому Ибيرانу объяснил, откуда мы тут взялись?

– А как ему было объяснить? «Мы из будущего»? Нет у них такого понятия. Вот просто нет. «Мы колдуны, пророки, волхвы, гадатели» – это до тонкостей различается у них. А будущего нет никакого. Сказал, что мы из далекой северной страны Русийя, где много всяких волшебств, и что случайным колдовством занесены в его деревню, но хотим им только добра, а пуще всего – вернуться назад. Он согласно закивал: конечно, и грозы, и дожди, и вообще всё волшебное приходит именно с севера (а на их языке ведь «север» – это просто гора Цафон, и точно так же в иврите). Там живут боги, и нет ничего удивительного в том, что на самом далеком севере есть совсем волшебная Русийя, много цафонистее Цафона. И он, конечно же, выдаст нам лучших ослов и велит напечь лепешек и навялить мяса в дорогу, чтобы мы... Тут я просто застонал. Им невозможно было ничего объяснить. Может завтра мы залезем в ту же дыру, и...

– Пошли! – радостно воскликнула она, – давай скорее!

– Погоди, – смутился я, – а погулять тут, посмотреть? Мы ж вроде как на экскурсии? Вот и попали в такую прямо экскурсию...

– Ну, знаешь, безопасность прежде всего! – отозвалась она, – и вообще, если найдем портал...

– Что-что?

– Ну, дырку временную, если найдем ее, мы же сами сюда экскурсии будем водить! И вообще придумаем кучу всего интересного. Только надо найти местечко. Пошли, проверим!

– Даже без завтрака?

– А что на завтрак?

– Да не знаю... то же самое, наверное. Мюслей и творожков не видать в окрестностях. Зато, кажется, есть рассол от овечьего сыра... рассольчику холодненького ша...

– Ну ладно, – смиловилась она, – после завтрака проверим, а то тут некоторые в состоянии тяжкого похмелья...

И мы проверили. Ну что, надо описывать результат? Или и так ясно? Мне отчего-то понятно было сразу: ничего не выйдет... Юлька только таскала меня наружу и снова внутрь, будто это комп загрузивший, будто можно этот «портал» было перезагрузить.

– Расскажи ты теперь про себя, – попросил я ее, когда мы, усталые и недовольные, сидели на камушке снаружи, – кто ты?

– Да что тут особо рассказывать? – пожала плечами она. – Обычная москвичка, родилась, училась, не состою, не привлекалась, без вредных привычек... ну почти. В свидетельство о рождении чуть было не записали меня под именем «Перестройка», хорошо, бдительная мама опередила папеньку-шутника. Вот и о возрасте не надо спрашивать. Это у нас 86-й или 87-й, стало быть, год рождения, а нынче у нас на дворе 2008-й... Тьфу, то есть не нынче, а там, откуда мы. А Юлька продолжала:

– Ну что еще? Работаю вольной художницей, книжки оформляю, когда заказы есть. Еще верблюдов леплю всяких-разных, важным людям на сувениры. Вот в кои-то веки вырвалась в загранку, когда финансы наконец позволили, а дальше ты сам все знаешь...

А потом Юлька потащила меня купаться. Ну правильно, раз мы тут оба в отпуске, и пляж рядом, чего ж не пользоваться? Пляж оказался нудистским и поначалу чисто женским. Я даже решительно был настроен не подглядывать... честно, был. А потом полчаса из моря не вылезал: охладиться требовалось от одного такого вида.

Странно, если разобраться, мы себя вели: вот люди попали в прошлое, в какую-то совсем незнакомую страну, и непонятно, как оттуда выбираться, и как вообще там устраиваться, пока не выберемся. А внимание обращают на сущую ерунду. Или не ерунда это была, если судить по продолжению?

9

Следующие несколько дней прошли как во сне. В тяжелом, нудном сне, когда хочется проснуться, и не можешь этого сделать... У меня в голове наступил полный вакуум и сквозняк. Метаться все равно смысла никакого не было. Фиг его знает, где мы на самом деле, что за люди вокруг, чего от них ждать. И самое правильное было уподобиться ящерице на солнышке, замереть и наблюдать... А когда хоть немного информации наберется, то тогда уже что-то предпринимать. И потом, я ж не сама по себе туда попала, а с мужчиной – ну так чего самой-то рыпаться? Тут матриархатом и не пахнет, так что есть мужчина – вот пусть он и командует, а дело женщины покоряться. Разве не так?

Только напрасно мы под его командой (и по моей инициативе) обследовали ту самую пещеру, и вылезали обратно, и опять лезли, и фонарик пробовали включать, пока батарейки не посадили, и даже зажигалку, и вообще чего только не делали. Ни-че-го. Не работает волшебство дважды. Перепачкались в этой пещере как черти, я другую коленку расцарапала до крови, а дыра во времени открываться не пожелала категорически.

Мамочки, где моя Москва, где уютный мой бложок, где чашка кофе, где шумные таджики с отбойным молотком под окнами? Я даже на гастарбайтеров согласна, лишь бы оказаться дома, в своем городе и своем времени... А ведь, судя по всему, в родных наших краях ледниковый период в разгаре и мамонты на каждом шагу попадают. Венька только ржал, гад, надо мной ржал, расписывая прогулку мамонта по Боровицкому холму.

Нет, принимали нас замечательно, просто роскошно принимали, по местным-то меркам. На второй день зарезали барашка, на третий козленка, шашлык от пуза, разожраться можно на такой кормежке килограммов до ста. Все-таки ничего лучше жаренного ягненка человечество за последние веков тридцать так и не придумало. Пили всё больше вино, сильно разбавленное водой – вместо чая, кофе и вечернего кефира. Впрочем, что-то кисломолочное тоже давали, вроде айрана. Поселили нас в доме самого старейшины, в его комнате, он ради такого дела переехал в подсобку, выселив из нее парочку младших домочадцев не то слуг. В общем, местные пять звезд, all inclusive. И купайся-загорай по самое нехочу.

Только одна беда: задерживаться мы там вовсе не собирались. Даже, можно сказать, ровно наоборот. Выбраться бы из этой первобытности поскорее... Нет, я вовсе не привыкла к рублевской роскоши, и нет у меня вилл от папы-нефтемагната (от диссидентствующего учителя музыки в отставке их не дожدهшься), но и сон на жестком полу, среди ароматов сомнительной свежести, равно как и полное отсутствие сколько-нибудь человеческих средств гигиены, меня повергали в уныние.

Ну да, море, всё здорово – а что потом делать с солью, тонкой пленкой покрывшей все тело? И чем, позвольте полюбопытствовать, можно волосы мыть? За банальную бутылочку какого-нибудь Л'Ореаль я была готова отдать все сокровища мира, но увы... Тетки тут для гигиены золой какой-то натирались, смешанной с глиной и чем-то еще, а волосы оливковым маслом смазывали – я так не рискнула.

К тому же скоро пришлось нам побороться в последствиях здешней антисанитарии. То ли слегка немытые руки были тому виной, то ли йогурт местный, но уже на второй день скрутило нас с Венькой животы весьма основательно. Вот когда я возблагодарила маму за ее извечное «бери на юг побольше таблеток от желудка». Аптечка моя походная на сей раз нас очень выручила. Запас оказался не сказать, чтобы очень велик, но на первый случай выручить все-таки мог. «От головы», «от живота», «от простуды», «от горла», всякого рода пластыри и бактерицидные примочки – это все у меня лежало с специальной непромокаемой аптечке. У Веньки тоже нашлась при себе пара таблеток аспирина, порядком замусоленные леденцы от кашля... и на этом все.

Негусто, что и говорить.

– Нельзя нам, Юлька, тут болеть, – резюмировал Венька, – Мы ж только своими лекарствами лечиться умеем, и то едва-едва. Того, что у нас осталось, ни на одну серьезную хворь не хватит.

– Слушай, но они же тут как-то лечатся и при этом выживают, – парировала я, и нарвалась на вполне предсказуемый ответ:

– Выживают... многие. Вот ты давай и учись у знахарок местных. Язык только сначала выучить надо. Ну хотя бы финикийский, международный. Хочешь, уроки буду давать?

А что еще оставалось делать? Французский в школе учила, английский маленько самоучкой, а толку теперь от этого ноль. Лучше бы заранее разучила способы открывать дыры во времени! Только нигде такому не учат, к сожалению. Оставалось шляться по окрестностям, вдруг на портал этот самый наберемся?

И вот на третий не то четвертый день, притомившись от безрезультатных поисков, мы возвращались к родимой деревне. Мда, с чего это она для меня родимой стала так быстро?

– Слушай, Вень, – сказала я. – Мне тут одна мысль в голову пришла, в порядке бреда...

– Ну так может, пусть она там так и остается? – ехидно поинтересовался не менее умолившийся парень, – Раз уж это бред...

– Да ну тебя, балда, – я запустила в него подвернувшимся камушком, но промахнулась, и все-таки продолжила, – Может, нам действительно петух нужен?

– Какой петух? – обалдело уставился на меня Венька. – Юльк, ты того, не перегрелась, часом?

– Какой-какой, красный, – ворчливо ответила я. – Ты что, Акунина не читал?

Этот игнорабус отрицательно помотал головой, всем своим видом демонстрируя, что слыхом не слыхал ни о существовании писателя Акунина, ни о похождениях героической монахини Пелагеи. Пришлось рассказывать.

– Ну ты даешь! Культовая же книга была, по ней все вокруг с ума сходили несколько лет назад. Ты что, про Пелагею вообще не слышал ничего? Даже не знаешь, кто это такая?

– Кажется, певица, – ответил он неуверенно, – а что, нет?

– Сам ты певица! – возмутилась я. – Это наша мисс Марпл, даже покруче ее. Ну, короче, она монахиней была, только ее постоянно в авантюры всякие затягивало. То убийства расследовала, то еще чего. А потом там в наше время... ну, то есть, не в наше, а в 19 век... занесло про рока одного древнего, Мануйлу. Короче, оказалось, что в Евангелии все совсем неправильно написано, и она за ним потом туда назад отправилась, чтобы его спасти. Вот они там тоже через всякие такие пещеры туда-сюда мотались, только у них еще петух был, без него ничего не получалось.

– Неправильное Евангелие? А кто такая мисс Марпл? – спросил он, и мне стало понятно, что разговор может затянуться надолго, – ну вот Дэна Брауна я знаю, хотя и не читал.

– Мисс Марпл – это ж у Агаты Кристи, ты чтоooo! – возмущенно завопила я. – Твой Дэн Браун – плагиатор жалкий, чужие идеи тырит. А Мисс Марпл – это бабка такая чумовая была, самые сложные преступления распутывала как нефиг делать, где никакие следователи разобраться не могли.

– А Пелагея? Она тоже у Кристи? Ты извини, я вообще детективы как-то не люблю.

– Пелагея – это у Акунина, – я начала терять остатки последнего терпения. – Что-то ты, Венечка, совсем от литературы отстал, позорище этакое! А Евангелие – да, неправильное, на самом деле все совсем-совсем не так было, и вообще, казнили совсем другого человека, ясно? Потому что Тот – спасся, случайно в наше время провалился.

– У Акунина... – в его голосе послышалось какое-то даже не то чтобы сомнение, а ирония, – ну и что, кого там у Акунина казнили? Петуха или Пелагею? И вообще, как нам это поможет?

– Да какая разница, кого там казнили? – я топнула так, что в сторону фонтанчиками брызнул песок. – Петух нам нужен, причем красный. Без него переходы во времени не получаются. Пошли у аборигенов поспрошаем, может, у них такое все-таки водится, а?

– Вот в нашем далеком будущем некоторые евреи верят, – серьезно ответил Венька, – что когда придет Мессия, он принесет в жертву красную корову. Абсолютно красную, рыжую, то есть, без единого волоска другого цвета. И когда рождается рыжая-рыжая телочка, вокруг нее собираются всякие раввины, осматривают ее и ищут черные и белые волоски. Разумеется, несколько таких находят. Значит, корова не та и Мессия еще не пришел. Клевая отмазка, да? Вот и с петухом ничего оригинального у твоей Пелагеи Марпловны. Не найдем такого. Да и вообще, ты что, всерьез в это веришь? Мы сюда-то безо всяких сельскохозяйственных достижений попали, значит, и обратно так же можно пройти. Только надо найти, где.

– Да причем тут коровы твои? – отмахнулась я. – Коровы тут совершенно не при чем. А петух вполне мог где-то в кустах гулять, а мы и не заметили. Ну Вень, ну тебе что, жалко, что ли? Ну давай версию с петухом проверим, зря что ли в книжках пишут?

– Давай проверим, – кивнул он, – если найдешь красного петуха, сразу его тащи сюда. Даже подскажу тебе, как это спросить на местном наречии, или, вернее, на библейском иврите: «хайеш лакем тарнеголь эдом», ну или как-то так примерно... нарисуй им, они поймут. Слово «тарнеголь» ужасно древнее, между прочим, в западно-семитские языки пришло из аккадского, а в нем оно из шумерского «тар-лугаль». А это по-шумерски «птица-царь». Они тут уже шумерский забыть успели, если вообще когда-то знали, но слово должны понять. Видишь как, птица-царь! А ты его резать собираешься ради какой-то Пелагеи!

– Да не собираюсь я твоего царя резать, вот еще! Мы его просто в пещеру затащим, чтобы коридор времени открылся, и пусть живет себе дальше. Что ж я по-твоему, совсем живодерка, что ли? – идиотизм нашего разговора начал меня несколько утомлять, – Ну ведь всюду же говорится, что для коридоров времени нужно что-то магическое – зелье или животное, или заклинание. Ну помнишь, в «Пришельцах», фильм такой классный был с Рено и Клавье, они тоже в будущее попадали с помощью магического поила и заклинаний. Но на такой сервис нам с тобой тут точно рассчитывать не приходится, будем своими силами обходиться. Точнее, петушиными...

– Вообще-то я не знаю, как у Акунина, – рассудительно ответил Венька, – но в этой культуре обязательно надо кого-нибудь зарезать, сжечь или на худой конец замуровать, чтобы что-нибудь получилось. Жертва называется. И это хорошо еще, если только петуха. Тут знаешь, как города основывают? На детских телах. Приносят в жертву ребенка и ставят на нем ворота. Вот, например, в Иерихоне так было. Об этом твоя Пелагея не рассказывала?

– Ты что, серьезно? – с ужасом уставилась я на него. – Нет уж, вот чего нам точно не надо – это человеческих жертв. И... и что, наша деревня тоже вот так основана?

– А откуда ж я знаю, – отозвался Венька, – деревня, может, и нет... Наверное, только большие города. Маленькая деревня – маленький ритуал. Большой город – большой. А уж когда...

Но договорить Венька так и не успел...

10

В общем, не было для нас другой пещеры. И люка в потолке, и телепортатора, и чего там еще – тоже. Так что оставалось нам ждать у моря погоды, или перехода, или как оно называется, и где он будет, и когда – угадать было невозможно. Игла в яйце, яйцо в утке, утка в... да кто ее знает, где она, эта утка, а вот мы, похоже, в полной заднице.

И значит, предстояло нам в ней обустраиваться всерьез и надолго.

Даже тосковать по дому в первые дни было некогда. Что есть и пить, где спать – об этом пока заботились местные угаритяне, но дальше-то что? Как мы будем добывать себе пропитание? Вообще-то я неплохой мастер по ремонту, я бы старейшине построил такой коттедж – загляденье! Пусть даже и без техники, одними руками, но только две вещи мне были необходимы. Первая – это электросеть напряжением в 220 вольт, а вторая – хороший магазин инструментов и стройматериалов поблизости. И той, и другой оставалось ждать всего-то несколько тысячелетий... И что толку от моих навыков работы с гипсокартонном и керамогранитом, если тут дома строят из палок, глины и соломы, в лучшем случае – из камней?

Да, я мог бы рассказать им в общих чертах всю историю древнего Ближнего Востока – но она была им совершенно не интересна. Я ведь даже не знал, в какой точке этой истории находились мы сами: филистимлян они уже встречали и, похоже, люто ненавидели, а вот ассирийцев еще нет. Стало быть, разброс примерно от XII до VIII века до н. э., точность потрясающая. Даже и знай я дату с точностью до года, что бы я им сказал? Ребята, через столько-то веков тут будет такая-то империя, а еще через столько – такая... Да им сказки про небожителей с горы Цафон слушать было интереснее.

Вот и выходило, что все мои замечательные познания были им либо не нужны, либо напрямую завязаны на технологии двадцать первого века. Причем нашей эры. Пришло мне было в голову обучить их алфавитному письму и алгебраическому счету, но... что станут они записывать, что считать? Баранов и так сосчитают, по старинке, а если вдруг захотят записать сказки местных бабусек, то им вполне хватит и угаритского клинописного письма. И, между прочим, алфавит в Угарите уже был, клинописное консонантное письмо, только я его не знал, конечно. Для каждого согласного звука свой клинописный значок, а гласные им лишние, и вообще всё лишнее, что знал я и умел.

Я даже задумался в какой-то момент: а не начать ли мне проповедовать им единобожие? Это вроде как актуально в языческом мире? И они уже вполне созрели по уровню культуры... И тут же сам ужаснулся своей мысли: ну да, явились все такие прекрасные дети богов из дыры в земле, пощелкали фотиком и зажигалкой, а потом взяли да и основали новую религию. Через три тыщи лет археологи откапают наше с Юлькой святилище, а рядом – кости принесенных в жертву баранов, и хорошо еще, если только баранов, а не людей. Если здесь есть филистимляне, значит, уже был Моисей, уже есть где-то вера в Единого, и вот уж точно не след мне тут Моисею конкуренцию создавать.

А нелишним оказалось только одно, о чем сам я тогда и не думал. И выплыло совершенно неожиданно, на четвертый или пятый день нашего пребывания в древности. Мы возвращались с Юлькой с прогулки по окрестностям, после очередной тщетной попытки найти дыру в земле и хронологии. Она болтала про каких-то Пелагеев и петухов, ну милое девичье щебетание, я не особо вникал.

Вот только когда мы подошли к воротам селения, они оказались распахнутыми настежь, а из глубины слышался какой-то совсем лишний шум. Юлке я сказал держаться на шаг позади меня, а сам осторожно шагнул внутрь...

На той самой центральной площади, недалеко от городских ворот, разворачивалось что-то совсем нехорошее. Старейшина Ибирану, а с ним еще парочка мужчин стояли, понури-

головы, в центре, под охраной трех незнакомых мне детей с корявыми копьями. Перед ними прохаживался еще один, с мечом на перевязи и в шлеме и что-то очень настойчиво объяснял своим пленникам... по финикийски!

– Что, сын собаки, где мое серебро? Ты сказал: далеко Элибаал, не придет ко мне! Но вот, Элибаал здесь и ждет своего серебра, сын собаки!

Напыщенный болван звал себя финикийским именем: Элибаал означало «бог мой Баал», вполне обычное для той эпохи имя в честь божества небесных гроз. Но тут было явно не до лингвистических задачек, судя по всему, в селении были и другие гости – откуда-то доносилось кудаханье, лай псов, женские крики...

Мне сразу не понравилась манера Элибаала разговаривать с таким почтенным человеком, как Ибирану. Да и вообще картина была не из приятных. И я с самым решительным видом направился к незваному гостю, чтобы потребовать объяснений. Нет, не то, чтобы я ощущал себя донельзя крутым Рэмбо, но молча наблюдать за всем этим, тем более на глазах у Юльки и местных жителей, перед которыми надо было поддерживать статус...

– Что такое?! – возмущенно крикнул я, но ответом мне было копье одного из парней, направленное прямо в грудь.

Вот это он сделал, конечно, зря. Если вас когда-нибудь всерьез обучали рукопашному бою, вы не забудете этого до конца своих дней, все движения будут на автомате. А если вас обучали в бригаде «Голани», то вряд ли вы потерпите, чтобы какой-то грязный мазурик тыкал в вас дрекольем с насаженным на него тупым лезвием. Копье, конечно, не совсем то же самое, что «калашников», или «галиль», или М16, но общие принципы «штыком коли – прикладом бей!» мало изменились за последние несколько столетий, и к копыю они тоже неплохо подходили.

Дальше все случилось очень быстро и как-то само собой: уход влево – перехват копья в середине – толчок на него – изумленный взгляд – рывок на себя – копье у меня в руках – левой рукой древком копья ему вскользь под ребра (еле удержался, чтобы не засветить в полную силу) – подсечка правой ногой, тычок древком – первый воет на земле. И сразу, не дожидаясь: уход вправо и вниз, раньше, чем второй послал копье вперед, а третий уже испуганно попятился, но разбираться нужно было с главным – он неловко и слишком медленно вытягивал из ножен свой меч. Давненько не воевал! Острым концом отбить копье второго – тупым ему по лодыжке, не очень удачно, но все равно больно – острым вскользь по предплечью, жить будет – коленом в пах. Вторым там же, на земле. Быстрый взгляд на третьего, он тихо отступает к стенке – главный изготовил меч – уход влево – уход назад – да ты ив вообще владеешь, мечом-то? – и тупой конец копья ему в солнеч...

Это Юлька завизжала сначала, или сначала я все-таки грохнулся? Первый, которого я рано списал со счета (а может, все-таки слишком слабо ему двинул) умудрился как-то подставить мне подножку и я, выронив копье, повалился прямо в ноги главарю и, перекатываясь уж в какую получилось сторону, только с холодным таким интересом ждал, успеет ли он махнуть мечом, и если успеет, то куда попадет. И как тут потом дезинфицировать рану...

Не успел. Через секунду я стоял на ногах, а баталия была окончена. Юлька сидела верхом на первом воине и драла ему волосы с такими воплями, что я даже начал немного за него беспокоиться. Вторым скрючился за земле, его предплечье заметно кровило. Третий бросил копье и пал на колени, а главарь лежал на земле, а в сантиметре от его горла подрагивало острие его собственного меча – рукоять держала рука Ибирану. Надо же, как ловко он это успел, хоть и старик! Впрочем, у него было двое молодых помощников, и теперь они с наслаждением пинали Элибаала, а тот что-то изумленно повизгивал, но лежал смирно.

– Пленных не бить! – скомандовал я сначала по-русски, потом продубилровал на иврите, но никто, кажется, не собирался исполнять моей команды. Да, с дисциплиной тут явно были проблемы. А из глубины селения в нашу сторону бежали еще двое решительно настроенных мужиков, и всё начинало до боли напоминать Дженин в разгаре интифады...

– Стоять! – заорал я, что было мочи, – бросить оружие, и все останутся живы!

– Сын гиены и шакала, – это я обратился к Элибаалу на привычном ему языке, – прикажи своим, если хочешь жить! Юлька, да замолчи ты, наконец!

– Это великий воин, спустившийся с Цафона, Сын Десницы – радостно пояснил моё местное звание и должность Ибирану, – и если не покоришься, он изрежет тебя нержавеющей мечом, а Небесная Дева испепелит молнией по имени «фотик»!

Незадачливый главарь что-то крикнул своим опешившим воинам, а потом обратился ко мне неожиданно цветисто для человека, который лежит на земле и только похрюкивает от увесистых пинков:

– О Сын Десницы, ахх! Благословен удел твой на Цафоне, эхх! И велико мое почтение к тебе! Повели Ибирану, охх! да отпустит меня, и дам тебе, что найдет рука моя, уххх!

– Хватит, – оборвал я его, – и вам хватит его бить! Довольно, я сказал!

Парни нехотя послушались. Что ж, хоть я всегда придерживался принципа не идти на переговоры с террористами, здесь, похоже, другого выхода у нас не было. А этот еще и умеет хранить самообладание в любой ситуации – качество, достойное уважения.

– Твои люди возвращают всё, что взяли в этом селении. Твои люди уходят из селения. Потом я говорю с тобой.

– А если... – попробовал, было, возразить пациент.

– Тогда убью, – запросто пообещал ему я, – или этим отдам.

– И вот он пусть передаст твоим людям твои слова, – я кивнул на третьего воина, так и стоявшего на коленях. Этот нарасказывает таких ужасов в оправдание собственной трусости, что мораль противника падет быстро и безнадежно.

Элибаал распорядился, и тот без копья припустил прочь.

– Ибирану, – сказал я старейшине, – отправь двоих своих помощников проследить, чтобы чужаки вернули всё, что взяли. Ты с мечом сторожи этого, а мы...

– Юлька, кончай ты, в самом деле, пленных терзать! Давай лучше, свяжи им руки их собственными поясами... да не так, не так! Дай я покажу, поддержи лучше копье у его шеи, и, чуть что...

В общем, победить трех вооруженных противников оказалось намного проще, чем справиться с таким же количеством сторонников. Всегда так бывает, кстати: боевое столкновение может занимать считанные минуты, а вот обработка результатов – часы. Ну, а оргвыводы могут растягиваться уж и вовсе на неопределенный срок...

В общем, через полчаса статус кво был восстановлен, не считая пары задушенных кур и пары залапанных (но не более того) девок. Финикийские гости вышли за ворота селения под улюлюканье местного населения, а мы прямо в воротах приступили к трехсторонним переговорам с Ибирану и Элибаалом.

Все оказалось довольно просто: купец, а по совместительству пират, банкир и бандит (это уж как фишка ляжет) Элибаал полгода назад выдал жителям селения потребительский кредит процентов этак под триста годовых. Проще говоря, под расписку продал им что-то такое, что стоило больше, чем у них было, но было им очень нужно (я не понял, что именно), а за серебром обещал вернуться через полгода. Так он и сделал, и жители селения собирались расплатиться с ним овечьей шерстью, а в крайнем случае рыбой. Но товара не хватило, к тому же закупочные цены Элибаал опустил, клянясь всеми богами, что таков тренд на товарно-сырьевых биржах Тира и Сидона, и что курс шерсти к курсу серебра еще не отыграл своего падения, не говоря уже о рыбе. Соответственно, в качестве коллекторов выступила команда элибаалова корабля, стоявшего на якоре неподалеку. В общем, картина оказалась до боли знакомой.

Неясно было только, что делать с этими коммерсантами... Да еще Юлька навязалась участвовать в переговорах, всё ей переводит!

11

Нет, Венька, конечно, пытался заставить меня держаться в сторонке, но не тут-то было. Что я, буду стоять и смотреть, как друга и соратника убивают? Особенно когда этот доисторический придурок свалил его нечестным приемом и пытался прирезать своей ржавой железкой!

Короче говоря, когда битва была закончена, горло у меня изрядно саднило, а ладони были покрыты чем-то скользким и противным – похоже, наши противники не обременяли себя излишним пристрастием к чистоте.

Но самое примечательное, как оказалось, ждало нас впереди. Венька возглавил трехсторонние переговоры, неожиданно присмиревший вождь агрессоров начал предъявлять претензии нашим хозяевам за нарушение торговых договоренностей, а почтенный Имра-как-его-там изо всех сил отбояривался, мол, пришелец в одностороннем порядке повысил цены, не проинформировав о этом контрагентов в установленные сроки. Короче говоря, плавали-знаем, ну чисто мои беседы с Меценатычем. Разве что ближневосточный темперамент добавил им колорита. Я и Веньку раньше таким не видала, как он руками, оказывается, умеет размахивать... В Израильщине, видать, без этого никак не получается.

Ну и что бы они без меня, спрашивается, делали? Хотя Венька на меня и злился, что все переводить приходится, а сам бы нифига не догадался, из-за чего весь сыр-бор разгорелся. Я, правда, сама тоже не сразу врубилась, в чем дело, но когда до меня дошло, что хозяева наши никак не могут расплатиться за груз египетских бусин, вот тут впала я в состояние бурной радости, которую было просто необходимо разделить с соотечественником.

Поначалу Венька никак въехать не мог, что за ценность такая великая – бусины, чтобы из-за них устраивать подобные танцы с песнями. Пришлось объяснять и про историю стекла, и про египетские украшения, и про страшную дефицитность товара, который позволить себе могли далеко не все желающие. Удивительно вообще, как в этой захудалой деревушке на такую покупку могли решиться. Не иначе, для культовых целей, потому как ни на старейшине, ни на женщинах его дома подобных ценностей я до сих пор не видела.

Говорить пришлось, естественно, по-русски. Почтенный Имра уже привык маленько, а буйный сын моря, раскрыв рот, слушал речи на неведомом наречии, да еще, кажется, не слишком одобрял мое активное участие в разговоре.

В конце концов, какой-никакой, а консенсус нашли. Воинственный вождь согласился поумерить аппетиты и даже даровал нашим односельчанам довольно приличную отсрочку. Достопочтенный Хоттабыч остался весьма доволен этим решением, а я утатила Веньку в сторонку на очередные сепаратные переговоры.

– Венечка, миленький, попроси их показать мне бусины, ну пожалуйста... – ради такой редкости я готова была стать воплощением нежности.

– Да зачем тебе? – буркнул парень, которому я, похоже, малость поднадоела.

– Ну ты не понимаешь, это же редкость такая...

– Я не прошу себе, если не увижу. Ну это... это как тебе пройти мимо оружейного салона и даже не посмотреть на самую последнюю модель «узи», – наобум выпалила я.

– Насмотрелся я на них по самое нехочу – пробурчал Венька, но, что надо было, сказал. В мои руки легли бусы. Как же их обрисовать-то, чтобы понятно было? Да, конечно, по меркам современным бусины эти были весьма неказисты – неровные, различающиеся по размеру, но они были – живые. Их с любовью делал вручную мастер, а не штамповал безличный станок. И еще они были – первые, самые ранние, новорожденные стеклянные бусины. И делать их умели только в Египте. – Венька, ты не представляешь, это же потрясающая редкость! – зашептала я, борясь с отчаянным желанием заныкать хотя бы пару штук на память. – Они же чудовищно

дорого стоят... то есть, стоили... ну, тьфу, короче ты понял. – И украшения из них толком умеют делать только в Египте...

Парень только фыркнул. Ну да, чего от них ждать, от мужчин?

– Слушай... – я ненадолго задумалась, – А может, помочь им расплатиться? – Кредиткой.

– Да ну тебя, вечно ты со своими шуточками... Не, серьезно, что-то такое, что они смогут дорого продать...

Венька на полминутки призадумался, а потом сказал такое, что у меня глаза на лоб полезли:

– Фотоаппарат!

Он даже не спрашивал, а почти приказывал мне. Я возмутилась:

– Да ты что! Там же все фотки! Я же ими всю карточку забила, хорошо еще одна запасная есть...

– Запасная? – обрадовался парень, – пустая, да? Ну вот ее и вставь. А эту себе сохрани на память.

– Да ты что! – продолжала возмущаться я, – а сколько мы тут всего еще увидим! Разве можно!

– Батарейки, – скучно и просто ответил он.

– Что батарейки? У меня вон запасной комплект был, только что вставила...

– Мы в ближайшие три тысячи лет увидим место, где можно купить пальчиковые батарейки, как ты думаешь?

– Ну... а мы что, три тысячи лет тут будем сидеть? – ошарашено спросила я. В самом деле, мне как-то не приходило это в голову.

– Я не знаю, Юль, – как-то устало и очень серьезно ответил он, – мы с тобой в древнем мире. Тут ценятся серебро, умение владеть оружием, а главное – родовые связи. Все эти наши побрякушки – они совсем не для этого мира. Как мы будем отсюда выбираться, я понятия не имею. Но я совершенно точно знаю, что мешочек серебра и благодарная толпа деревенских жителей помогут нам в этом гораздо больше, чемдохлый фотик без батареек. А сдохнет он скоро. Вот и впарим его любителю халявы и приключений. Я бы еще мобильник свой ему продал, с рингтонами всякими, да он уже разрядился. Куй железо...

– Не отходя от кассы, – грустно ответила я. Фотика было безумно жалко, но Венька был прав. И вообще... Я вдруг ощутила эти три тысячи лет – ну вроде как в раньшe на самолете летела, знала, что десять тысяч метров отделяют меня от земли, и ничего, а тут оказалось, что надо прыгать – и каждый метр из десяти тысяч всей кожей враз прочувствуешь. Я знаю, я один раз сигала с парашютом для прикола – не с десяти, конечно, тысяч, и даже не с одной, но все-таки...

Молча достала я из сумки сменную карточку памяти, тщательно убрала основную в маленькую коробочку и отдала фотик Веньке. Пусть сам с ними торгуется. И отошла в сторонку. Ну чего им видеть, как я реву? Подумают, фотика жалко. Ну и да, жалко! Только дело вовсе не в фотике!

Следующие полчаса у мужчин прошли в оживленной дискуссии, из которой я разбирала только охи, ахи, причмокивания и прочие междометия. К концу, правда, слышно стало и повторявшееся слово «шекель» – я еще удивилась, неужели израильская валюта такая древняя. Это потом Венька мне объяснил, что шекель был мерой веса, общей для всего Ближнего Востока, примерно десять граммов, и что шекелями серебра измеряли цену любой крупной покупки. А я тогда слишком переживала, чтобы о таких вещах задумываться.

– Перекредитовались! – радостно завопил Венька, когда дискуссия, казалось, готова была перейти в мордобой, – на самых выгодных условиях! Деревня платит половину цены баранами и рыбой, а другие полцены – этот фотик! И нам с тобой бонус, смотри, – довольный Венька потрясал передо мной каким-то кожаным кошельком.

– Это бусы? – с надеждой спросила я.

– Какие бусы? – не понял парень.

– Ну, я же бусы хотела у них выменять?

– Ах, ну да, – недоуменно сказал он и снова повернулся к финикийцам, уже бережно упаковывавшим свое приобретение. Вот они, мужчины! О самом главном и думать забыл. Но тут в разговор неожиданно вступил почтенный старец.

– Он говорит, – перевел мне Венька, – что половина всех бус, которые только есть в деревне – это дар владычице, как они тебя по привычке называют. А если кто из местных девок пожадничает, Ибирану ей лично задаст!

– Оставьте вы бедных женщин в покое! – крикнула я, выбежала за ворота и яростно зашагала прочь от деревни в сторону, куда глаза глядят.

Вот есть же такие вещи, которые за три тысячи лет совершенно не изменились, блин.

12

Торговая операция оставила нас с очень неплохими по тем временам капиталами – полтора ста шекелей чистого серебра, уж и не знаю, сколько бы всё это потянуло в наши собственные времена. В общем, почти два кило там было, а нынешними ценами на серебро я как-то никогда не интересовался. Даже шальная мысль пришла в голову: вот если бы найти ту самую дыру, или Переход, как мы с Юлькой стали его называть, так можно было бы организовать очень даже прибыльный бизнес: сюда тащить всякую бытовую технику, а также запасные батарейки к ней, а отсюда – серебро, а то и золото, ну, на худой конец экологически чистую продукцию. И пусть потом археологи будущих веков удивляются своим находкам.

Может быть, именно поэтому нас обратно и не пускали? Будь такие Переходы открытыми в обоих направлениях, тут бы такое началось... Меня все-таки не оставляла мысль, что происшествие наше не случайно, как и вообще не бывает ничего случайного в этом мире. Может быть, на нас возложена некая высокая миссия, мы только не знаем, какая? И когда мы ее пройдем – ворота откроются вновь? Ну, а закрытый до поры до времени портал – всего лишь средство обеспечить выполнение миссии, и никаких красных петухов. Или это я слишком увлекся компьютерными играми с их переходами на новый уровень...

Чего Юлька тогда распахивалась, я правда не понял. Ну, девушки на то девушки, чтобы иногда заводиться на пустом месте. Если бы подумал и остановился, смог бы понять, конечно, что переживает она вовсе не из-за фотика... Я, на самом деле, тоже переживал, только не мог себе позволить думать об этом. И то сказать, уже ведь было такое в жизни дважды, когда вдруг оказывался я в совершенно незнакомой стране: сначала в Израиле, потом в новой России – и как-то приспосабливался, ничего. Эта страна была совсем странной, но не совсем чужой, так что третий уровень... тьфу, в общем, новый этап обещал быть лишь ненамного сложнее второго.

Словно включилась сразу какая-то программа на выживание: некогда переживать и оплакивать недоступное (временно недоступное, надеялся я), надо действовать. Разведать обстановку, завести связи, собрать побольше денег, оружия, и артефактов... ну то есть набрать побольше всего того, что в дальнейшем могло пригодиться. И мы с Элибаалом, кажется, оба были уверены, что надули друг друга – ну, а на восточном базаре так оно и принято, по большому-то счету.

Ему-то ведь тоже негде было разжиться новыми батарейками. Так что можно было только догадываться, какие чувства испытает почтенный банкир и пират, когда сядут нынешние. Я, правда, заверил его, как мог, что пользоваться Зерцалом – так он его решил называть – можно только один раз в день и обязательно с чистым сердцем. Насчет чистого сердца он не очень понял и пытался всё у меня уточнить, какие именно тут полагаются ритуалы, годится ли простое омовение рук из кувшина, или надо омыwać всё тело и обязательно проточной водой, и каким богам, покровителям Зеркала, потребны жертвы, и хватит ли им голубя на новолуние, или прямо-таки надо целого барана. Я постарался ему объяснить, что главное тут – отсутствие дурных намерений, обмана и насилия. Даже процитировал что-то из библейских пророков, что помнил: «милости хочу, а не жертвы».

Но до него это как-то плохо доходило, да и мне самому стало как-то стыдно. На самом деле, я ведь откровенно обманывал человека, отмазку сочинял: все равно ведь сядут через неделю, а то и раньше, батарейки. Я, конечно, расписывал это себе так: вот замыслил он какой-нибудь очередной грабеж, Зерцало и померкнет. Вроде как наказание за жадность и алчность... да только поймет ли он? С его точки зрения, ничего дурного он в нашей деревне не делал, пришел за своим. Хотел отколотить других, а его самого отколотили – ну что ж, бывает, видать, богам своим он недостаточно угодил, или мы тут угодили своим богам еще сильнее, вот они

нам сильнее и помогли. В следующий раз будет молиться усерднее, жертвовать щедрее и всех поколотит. Да, если разобраться, не так ли и в наше собственное время люди порой воспринимают свою религию? Иначе не жертвовали бы таких денег на храм всякие бандиты...

Но на самом деле, конечно, я ему впарил совсем не тот товар, который разрекламировал. Просто тогда я старался об этом так не думать, надо же было собирать артеф... Ну, в общем, серебро было нелишним, а Элибаала было, за что наказать.

Да и Юлька скоро успокоилась. Вечером того дня бусины нам действительно понесли – ну, не половину всех деревенских запасов, но значительную часть – это точно. Она тут же ожилилась, стала расспрашивать меня про металлическую проволоку, которой, конечно, в деревне не было и быть не могло. Нанизывали бусины на шерстяные нити или на какие-то жилки неясного происхождения, вероятно, ягнячьи. Но Юльку всерьез зацепила идея проволочного производства, она даже знала, как это делается! Вот уж никогда не задумывался. Оказывается, раскаленный железный прут последовательно пропихивают через дырочки всё меньшего размера, так его истончают до состояния проволоки. Но кто и когда стал бы этим заниматься в нашей деревне, а главное – зачем, это вот оставалось для меня совершенно неясным.

Но Юлька, похоже, совершенно всерьез вознамерилась вести промышленное производство украшений, и основой для него должна была стать именно проволока. Что ж, свой резон, надо признать, в этом был: я понятия не имел, была ли изобретена проволока, но можно было не сомневаться, что бусы на ее основе будут иметь серьезные преимущества перед обычными бусами на нитках и жилках. Только удастся ли наладить производство? И будет ли в нашем распоряжении достаточно качественного железа... или скорее меди? Металлы в этом мире были не так доступны, как в нашем.

А вообще, с этими бусами постепенно выяснилось много всего интересного. Оказалось, Ибирану не просто девкам на забаву их покупал, хотя и девкам тоже, конечно. Страна Угарития, выражаясь языком журнала «Сатирикон», впала в ничтожество еще задолго до нашего появления. Когда именно, Ибирану внятно объяснить не мог, и еще меньше он мог объяснить, почему: рассказывал всё больше про гнев богов и всякое такое. Якобы, боги не поделили между собой страну Угаритскую, как он ее торжественно величал, и потому в гневе обрекли ее на опустошение и разорение. Хорошенькое дело: сами не поделили, а страдать пришлось людям! Впрочем, у них тут отношения с высшими силами явно не отличались принципами гуманизма.

Так вот, в ничтожество их предки впали достаточно давно, чтобы принять это как факт, но слишком недавно, чтобы считать этот процесс необратимым. Ну вроде как в наше время всё некоторые пытаются то Российскую империю реанимировать, то Советский Союз. Римскую, скажем, или Вавилонскую – уже нет, а эти еще не забыты. Вот так и Ибирану тосковал по временам всеобщего благоденствия и величия.

Но вернуть эти времена было не так-то просто. Былая мощь Угарита была основана на торговле: это был крупнейший перевалочный пункт в Восточном Средиземноморье, и крупнейший производитель пурпурной краски, много дороже золота. Ее добывали из моллюсков, в изобилии водившихся в прибрежных водах, и, казалось бы, никуда эти моллюски не исчезли, но... исчезли торговые корабли египтян и критян, исчезли рынки и лавки, исчезли караваны из Междуречья и Сирии. Вернее, всё это сместилось к югу, в финикийские города, где тоже умели добывать моллюсков, а уж тем более взвешивать серебро и считать шекели.

Угаритяне финикийцы тоже не забывали: охотно покупали у них баранов и пшеницу, а при случае рыбу, оливковое масло и иногда даже вино, ведь сама Финикия была очень небогата сельскохозяйственными угодьями, и вообще у финикийских господ поинтереснее находились занятия, чем баранов стричь. В общем, в качестве сырьевого придатка угаритяне им очень дажегодились. Но ни в коем случае не пурпур, не продукты высоких технологий! Это добро финикийцы отныне сами хотели продавать угаритянам, по собственным ценам.

И что тут поделаешь, на чем поднимешься? Кому нужна в маленьких деревнях эта пурпурная краска, для одного грамма которой нужно целую кучу моллюсков загубить? Ее только царям продавать, а настоящих царей в округе нет, так только, царьки над деревеньками. Вот Ибирану и решил, что станет покупать у финикийцев египетские предметы роскоши «для среднего класса» и сбывать их вглубь континента, местной знати, в обмен на сельхозпродукцию, которую можно отдавать финикийцам. А что-то оставить себе, попробовать возобновить производство краски... Словом, передать статус сырьевого придатка другим, а самим снова стать торговыми посредниками.

Но Элибаал этот бизнес-план просек на раз, и подставил Ибирану вполне конкретно. Бусы-то он ему продал, и даже в кредит, но торговля пошла не особо бойко, а условия возврата кредита оказались бандитскими. Фотиков у меня, к сожалению, больше не было, так что бизнес-план оказался окончательно похороненным.

Только у Ибирану, как оказалось, в тот самый день родился новый план... Следующим утром он за завтраком (надо сказать, шашлык тоже быстро приедается, захотелось каких-нибудь человеческих мясов поесть) выступил с неожиданным предложением:

– Могуча рука господина моего, и нет другого такого воина в наших краях. Если нашли мы милость в очах господина моего, пусть обучит наших воинов, да владеют мечом, как и он.

– Каких воинов? – удивился я.

– Воинов нашей деревни.

– А у вас есть воины?

– Каждый наш мужчина – воин! – горделиво сказал я, но, судя по содержанию его просьбы, он вовсе не был в этом уверен, – и когда придут финикийские злодеи, все встанут на защиту родного края.

– А мечи есть?

– Как не быть мечам! – возмутился Ибирану, – целых два... нет, три.

– Попробовать можно, – вяло согласился я. Делать было все равно нечего.

– Что сказали уста господина моего?

– Ну, может, получится...

– Согласен ли господин мой? – современный ивритские выражения понимал он не очень хорошо.

– Изрекли уста мои, да соберутся мужи селения сего пред очами моими, да узрю от малого до великого из них! – сказал я как можно торжественнее и архаичнее.

Это он понял, но сразу усомнился:

– Таки от мала до велика? – удивился он, – не угодно ли господину моему обучить избранных, да защищают селение, а остальные да работают в поле?

Впрочем, я свято верил в принципы Цахаля и всеобщую воинскую обязанность, так что настоял на своем: постоянную службу может нести очень ограниченное число самых способных воинов, но при случае необходимо, чтобы каждый мужик знал свое место в строю и владел боевыми приемами на базовом уровне. К тому же, чтобы отобрать воинов для бригады Голани, ну то есть самых способных, надо попробовать в деле всех. Ибирану согласился.

Только зря я рассчитывал на оперативность местного военкомата. Тем утром народ уже разбрелся по полевым работам, вечером многие слишком поздно пришли, на следующее утро не все правильно поняли задачу... В общем, на третий день удалось собрать более-менее всех мужчин с утра пораньше – их оказалось больше сотни. Правда, часть из них составляли старики и подростки, некоторые явно выглядели больными, и полдня ушло на банальный внешний осмотр. Заодно разобрались с вооружением: в наличии были два меча (третий, оказалось, давно продан), довольно ржавых и тупых, пять копий, да два деревянных щита, обшитых кожей. В общем-то, неплохо для простой деревни – видать, им действительно периодически приходилось разбираться с соседями и конкурентами.

Итак, на четвертый день в моем распоряжении были семьдесят восемь относительно здоровых и очень бестолковых мужчин призывного возраста. Каков этот возраст, сказать было трудно: младшим на вид было около восемнадцати, а вот старшим... в нашем мире эти мужички тянули бы лет на пятьдесят, но в этом мире им было, похоже, никак не больше сорока, а то и тридцати пяти. Старели тут рано.

Получилась, условно говоря, пехотная рота сокращенного состава. Весь этот день ушел на то, чтобы разбить народ на три взвода, а каждый взвод на три отделения, или десятка: этот обязательно хотел быть в одном отделении со своим двоюродным дядей, а тот ни за что не хотел быть вместе с соседом. Штука была еще и в том, что тренировать всех одновременно было бы просто невозможно, да и разрушительно для экономической жизни деревни, и каждый взвод должен был проходить боевую учебу по отдельности, в очередь с другими.

И это я уже не говорю о том, что элементарные представления о воинском строе, об исполнении команд и о субординации были им совершенно чужды. Передо мной была толпа джигитов со своими сложными внутриплеменными отношениями, каждого с каждым связывали многочисленные неформальные связи, а я был для них просто некоторым общим ресурсом, который должен был быть поделен в соответствие с этими связями и их минутными настроениями... кошмар полный.

В сборах и уговорах прошла неделя: прежде, чем переходить к приемам рукопашного боя, пришлось долго и подробно учить каждый из взводов строиться, узнавать своих командиров и все такое прочее. Школа молодого бойца в младшей группе детского сада, вот что это напоминало. К тому же утомленный дисциплиной народ начал разбегаться... и мне пришлось найти очень простой выход. К исходу седьмого дня я заявил, что завтра день буду учить первый взвод отбивать удары копьем, но если какой десяток опоздает на построение или придет вдруг не в полном составе, будет немедленно распущен по домам, к женщинам. Это, надо сказать, подействовало.

В общем, идиотское это мое согласие стать местным военруком как-то совсем отвлекло меня от поисков Перехода, да, впрочем, я уже не особо и рассчитывал его найти. И Юлька там что-то такое затевала с местными девками, мне было просто не до того. Должен же я был подготовить свой первый юнит в этом мире, а не только артефакты собирать!

13

Эти мужики вечно ничего не понимают! Венька мог сколько угодно распинаться по поводу того, что мне, дескать, фотика жалко, что девчонки вечно из-за ерунды страдают... А все было гораздо проще и сложнее одновременно.

Нет, безусловно, фотика мне было чуточку жалко, все-таки сколько времени я на него деньги копила. Но убиваться из-за железки, пусть и фаршированной всякими электронными хитростями, в жизни бы не стала, если бы не одно но... Не так много у нас оставалось ниточек к нормальной прошлой жизни. Шмотки потихоньку приходили в негодность, и что у нас оставалось? Венькин нож, еще кое-какая железная дребедень и все... А у меня так и вовсе практически ничего, только сережки да простенькое серебряное колечко. И каждый предмет в такой ситуации становился не просто ножом, сережкой или флешкой, а памятью о доме.

И вот теперь с одной из таких нитей я должна была расстаться, причем добровольно. Поди объясни парню, что меня так расстроило. Ну да ладно, чего с них взять, одно слово – му-жи-ки...

Одна радость – бусин мне девицы натащили действительно немало. И чего там только не было – и керамические, порядком кривые и косые, словно вылепленные неловкими детскими пальцами. И костяные, вырезанные из останков лошадей, что ли? И простенькие деревянные, наивно раскрашенные в неяркие цвета. (Ну да, где ж им тут современные химические красители взять?) Но главным сокровищем были, естественно, бусины стеклянные, привезенные из дальних стран. Было их не так уж много, но зато некоторые из них стали бы сенсацией и в наше время. Во всяком случае, я бы не отказалась их использовать в тех колье, которые еще так недавно... или давно?... плела на продажу у себя дома.

Самое занятное, что здешние девы ничего толком делать и не умели, только банально нанизывать бусины на тонкие кожаные шнуры. Эх, мне бы сейчас сюда мой набор инструментов, да тот запас всевозможной проволоки, который скопился дома... Но увы! Про инструменты можно было забыть, по крайней мере, надолго. Проволока в здешних краях отродясь не водилась, наладить ее производство Венька тоже отказался. Вот вечно с этими мужиками так, все им кажется сложным и невыполнимым. Сам о захирении царства переживает, а вот чтобы хоть чуточку палец о палец ударить ради подъема его благосостояния – фигушки.

Так мне и не удалось его убедить, что мы держим в своих руках мощнейший источник угаритского благосостояния, благодаря которому экономическая мощь взлетит на небывалую высоту. А у меня уже такие планы были... Научи мы местную публику проволоку тянуть, тут и цапки всякие можно было бы делать и задорого соседям продавать, и для военных целей бы тоже польза была. Поди, и кольчуга пригодится, когда какие-нибудь очередные «дары моря» в атаку пойдут.

Но увы-увы... Обходиться пришлось своими силами. А что я в таких условиях сделать могу? Просто нанизывать – это примитивно... И тут очень кстати вспомнились кое-какие приемы узелкового плетения. Я выбрала несколько бусин поинтереснее, кто-то из девиц принес пучок шнуров, и... В тот момент, когда я закрепила последний узелок и встряхнула в руке готовую вещь, отдаленно напоминавшую колье, сидевшие полукругом барышни одобрительно загалдели и зацокали языками. Потом одна, наиболее бойкая, с почтительным поклоном взяла у меня из рук это украшение, и, сверкая пятками, помчалась в хижину предводителя команчей.

В общем, я совершенно не ожидала, что мои скромные умения вызовут такой фурор. Но почтенный Ибир-как-его-там проявил ничуть не меньше энтузиазма, чем его младшая дочь. После добрых четверти часа поклонов, причитаний и бурной жестикуляции я сообразила, что меня просят обучить местных рукодельниц божественному искусству, неведомому обитателям здешних земель.

А мне-то что? Обучить – это я запросто, лишь бы под руки внимательно смотрели... Так и начались мои мастер-классы. Как выяснилось, знакомые мне приемы здесь было еще просто-напросто не были изобретены, так что все ожерелья, пояса и гайтаны, которые мы с девицами накрутили, вполне могли считаться уникальными авторскими работами.

Короче, я их учила работать руками, а они, совершенно между делом, потихоньку обучали меня языку – как потом оказалось, скорее финикийскому, чем своему. Он тут был вроде английского в нашем мире, для всех чужестранцев. Сами они его знали едва-едва, так что мы были почти на равных. Тут, конечно, еще и Венька здорово помогал, объяснял, что как называется. И потихоньку-потихоньку я начала наконец хоть что-то понимать со слуха. А меж собой девчонки тараторили по-своему, да так бойко, что я лишь отдельные слова могла разобрать.

С Венькой мы, кстати, стали видаться реже – мальчишек же хлебом не корми, дай в солдатики поиграть. А уж когда солдатики такие крупные и живые, так это вообще сплошной восторг! Правда, когда я попыталась как-то вечером напеть старую забавную песенку «Как хорошо быть генералом», доблестный вояка меня чуть не убил. Правда, потом придумал отмазку: якобы, я фальшивила...

Девчонки, кстати, прибегали ко мне учиться очень ненадолго – у них домашних дел было настолько неспорно, что я просто не представляю, как они успевали и зерно перетирать на ручных каменных зернотерках (чтобы на среднюю семью муки наготовить, как оказалось, нужно тереть часа по два в день), и помогать матерям с малышами управляться, и на виноградниках работать, и воду таскать от родника, что был неподалеку от селения. Да еще время от времени то одна, то другая из них на несколько дней пропадали и вообще не выходили из хижин на улицу.

Я долго ломала голову по поводу того, чтобы это значило. В конце концов, когда у меня уже худо-бедно получалось сложить несколько слов вместе, я все-таки заинтересовалась, куда исчезла смешливая Йунату-Голубка. Полученный ответ «Она сидит» меня порядком озадачил. Как сидит? Где? За что? И когда она волю получит?

Объяснялись мы с барышнями долго и трудно, и в итоге стало понятно, что у Йунату обычное женское, и по сему поводу она считается нечистой и должна прятаться от всех, в особенности от мужчин. Ой, мамочки!

Я подсчитала по пальцам, получалось, что вот буквально на днях меня тоже это развлечение ждет. Но... но здесь же нет вообще никаких санитарных средств. И как с этим всем управляться? Нееет, только не это!

От шорт с футболкой я еще в первые дни здешней жизни отказалась, предпочтя внешне не особо выделяться среди остальных женщин. Внезапно вставшая во весь рост гигиеническая проблема повергла меня в настоящий ступор. Да и, если уж говорить начистоту, не была я готова делать обстоятельства своей частной жизни достоянием общественности. А уж признавать себя нечистой публично – это увольте! Короче, надо было что-то решать, причем срочно! И еще я совершенно не представляла, как скажется на моем реноме богини сам факт наличия женской природы. Кто его знает, какими они тут пришельцев с Цафона представляют – очеловеченными или совсем не от мира сего?

Самое главное, что поговорить об этих проблемах я тоже ни с кем не могла – перед девицами нужно было изо всех сил изображать богиню, а Веньке я бы такое и под страхом смертной казни не рассказала.

Я и так на каждом шагу впросак попадала. Рукоделия мои восприняли нормально, видимо, по здешним понятиям небожителям не возбранялось заниматься творчеством. Но вот когда я решила устроить небольшую постирушку, используя вместо «Тайда» золу и накопанную на берегу реки мыльную глину, смотреть на пришельцу с местного Олимпа, которая занялась таким низким делом, сбежалось чуть не все поселение. Мучение с этой стиркой, кстати,

было редкостное, вещи от подобного ухода и местного горячего солнышка быстро приобрели ровный камуфляжный тон, можно было с пейзажем слиться до полной незаметности

Венька еще пытался держаться за джинсы с кроссовками (надо было видеть, какое потрясение у аборигенов вызвали банальные носки, такое чудо из чудес они и вообразить себе не могли!), а я в итоге махнула на все рукой. Кстати, балахоны местные по жаре были очень даже удобны, а вот к сандалиям я никак приноровиться не могла. Ну как они ходят в этой конструкции из ремешков, да еще с негнушейся подошвой? Венька – вот юморист – сказал, что в Писании эту обувь именуют сапогами. Это ж надор было так пошутить! Хороши сапоги – все пальцы наружу!

Но круче всего я свою репутацию подорвала попытками обучиться здешнему домохозяйству. Мало того, что все ногти с этой зернотеркой обломала, так еще заставила всю деревню шушукаться о том, что небожительница совсем уж не божеским делом занялась, не положено гостям делать то, к чему обычно приставляют самых младших членов социума.

Делать было совершенно нечего! Венька играл в Урфина Джюса и дрессировал солдат, мало чем отличавшихся от деревянных. Меня в девчачьи игры не взяли, запас бусин постепенно истощился, в одиночку искать Пещеру Перехода тоже было боязно. Я сидела на пригорке и от нечего делать чертила веткой по осыпающейся сухой почве. Через некоторое время за плечом раздалось уважительное сопение. Я оглянулась – мальчишка лет 12, бросив на произвол вверенных ему коз, внимательно разглядывал получившуюся картинку. А в ней, как ни странно, угадывалось сухое дерево, растущее на берегу, большой каменный валун и присевшая отдохнуть в его тени птица. Мальчишка одобительно поцокал языком:

– У тебя хорошо получается, дочь богини! А еще что-то можешь нарисовать?

Чего ж тут не смочь? Еще несколько минут, и мой гость залился смехом, тыкая пальцем в картинку.

– Это я, я! И козы мои, все здесь!

«Я», «козы» – невольно повторила я по-русски. Мальчишка насторожился при звуках незнакомой речи, и потом нетвердо повторил за мной услышанное.

Так и пошло... Я рисовала картинку, он тыкал в нее пальцем, называл на своем языке, я на своем. Мы уже нарисовали домик, солнце, море, собаку, кувшин вина, когда я, подавшись странному чувству, нарисовала космический корабль.

– Что это? – удивленно спросил мальчишка.

– Ракета, – машинально ответила я, подрисовывая бьющее из сопла пламя.

– Что есть... ракяту? – поинтересовался мой неугомонный собеседник.

Я попробовала объяснить, но чем больше говорила, тем круглее становились глаза мальчишки. Казалось, еще минута, и они совсем вылетят из орбит.

– Ты прилетела на огненной колеснице? Ты можешь ее огнем сжечь всех врагов? – затараторил он, захлебываясь от вопросов.

– Да ни на чем я не прилетела, мы из дыры вылезли... дыры в земле, – пыталась втолковать ему я, но парень недоверчиво смотрел на меня и отрицательно мотал головой.

– Зачем госпожа обманывает меня? – укоризненно спросил он. – Все знают, что боги живут на горе Цафон. На гору не ведут пещеры. А подняться на гору не может ни один смертный. Я понял, ты туда летишь на колеснице!

Мысленно прокляв упрямого младенца и всю его родню, я приложила палец к губам. Еще не хватало, чтобы он растрепал о своих выдумках в деревне, кто его знает, к чему это все может привести. И так на меня Венька постоянно ругается, что я слишком много болтаю, и грозит всевозможными карами. Проверять, что эти обещания могут означать на практике, мне как-то совершенно не улыбалось...

– Ты сообразительный мальчик. Только молчи о том, что ты понял, хорошо? Это тайна, секрет, ее людям знать не положено. А если ты станешь болтать, боги рассердятся на тебя и

пошлют колесницу, плюющуюся огнем и камнями. И эта колесница найдет тебя, где бы ты ни был.

Впечатленный масштабом последствий, юный козопас пообещал держать язык за зубами, но перед уходом поинтересовался, а что ему будет, ежели он окажется умником и сохранит секрет. Мысленно пожелав малолетнему вымогателю основательное расстройство желудка, чтоб ему деньков этак пять сидеть без движения, я порылась в наружном кармашке рюкзака, с которым не расставалась ни днем, ни ночью, и обнаружила маленькую потемневшую монету с портретом кого-то из американских президентов (вечно я в них путаюсь, вот незадача!).

Затертый цент был объявлен талиманом, способным обеспечить владельцу долголетие и процветание. Обрадованный пацан сунул монетку за щеку и издал пронзительный клич, собирая свое разбредшееся стадо.

– А я вздохнула и пошла домой, к заигравшемуся в солдатики другому мальчику. Он у меня тут еще вздумал фольклор местный собирать, кстати. Да и мне проще по его записям языкам учиться... Оно, конечно, не без пользы, только на меня всё меньше было у него времени с этой его войной. Вот и оставалось потихонечку переводить, что он записал, для практики.

14

Когда разрушен был город,
Разрушен Угарит прекрасный,
Уничтожен город родимый,
Погублен злою судьбиной —
Один пронзен был копьем,
Двое сражены мечом,
Троих погубил голод,
Четверых чума уморила,
Пятерых забрал себе Рашапу,
Шестерых поглотил Ямму,
Семеро – вот добыча Муту!
Народ тогда рыдал безутешно,
Плакали и стенали люди,
Слезы падали весом в шекель,
В два шекеля – орошали землю.
День за днем скорбели люди,
Мольбу не прекращали ночью,
Проливали слезы пред Илу,
Звали на помощь Балу,
О жалости зывали к Анату!
Собрались боги на Цапану,
На священной горе Цапану,
Совет на Цапану держали боги,
Решали судьбы Угарита.
Речь держал перед ними Муту:
«Пасть я широко разинул,
Верхняя губа облаков коснулась,
Нижняя уперлась в землю.
Поглотил я без остатка город,
Народ его, словно мошек,
Пленил их, связал и запер.
Угарит – вот моя добыча!»
Речь держал Балу,
Говорил Облачный Всадник:
«Муту, велика твоя сила,
Муту, и меня пленял ты,
Но я расторг твои оковы,
Я воскрес, ожил, воцарился!
Даже боги тебя трепещут,
Даже боги уступают дорогу —
Не уйдет ни один живущий,
Пасти твоей не избегнет!
Но настала пора пробужденья,
Возрождения час пробил,
Отправим Вестников на землю,

Да вернут судьбы Угарита!»
Услыхала Дева Анату,
Услыхала сказанные речи,
Сказанные сыном Дагану,
Поднялась со своего престола,
Сотрясла могучие чресла,
Рот свой разверзла и сказала,
Проронила драгоценное слово:
«Боги, мы наслали Пожиравших,
На город наслали Раздиравших —
Угарит они пожирали,
Наследие его раздирали.
Бык Илу, дай повеленье —
Пожиравшие Учителями станут,
Раздиравшие Целителями будут.
Вестников отправим на землю,
Угариту да вернут процветанье!»
Бык Илу сидит на престоле,
Бык Илу богами правит,
По сердцу Быку Илу речи,
Речи Девы Могучей Анату,
Речи Облачного Всадника Балу.
Изрек Бык Илу свое слово:
«Муту, велика твоя сила,
Не отнять у тебя добычи.
Ямму, глубока твоя бездна,
Не одолеть твоей силы.
Рашапу, горячо твое пламя,
Не залить его водам многим.
Если буйствует ваша сила —
Кто на земле уцелеет?
Если не удержите руку —
Что останется от Угарита?
Вестников отправим на землю,
Да вернутся судьбы благие».
Вестники пред богами предстали,
Вестники явились на совете:
Бин-Йамину, повелитель битвы,
Да искусная дева Йульяту.
Говорит им Бык Илу,
Вещает им Дева Анату,
Повелевает Облачный Всадник,
Наказ им дают все боги:
«Бин-Йамину, воин могучий,
Йульяту, умелая дева,
Не медлите, запрягите ракяту,
Огненную колесницу ракяту,
Спешите в землю Угарита,
Возвестите людям перемены,

Судьбы благие им верните!»
Йульяту запрягает ракяту,
Бин-Йамину правит колесницей —
Летят они с Цапану на землю,
Из земли являются людям,
Озаряют молнией без грома,
Одаряют образом без плоти,
Возвещают судеб перемену,
Возвращают судьбы Угариту.
Бин-Йамину войне их учит,
Врагов мечом прогоняет,
Серебро на войне добывает,
Отнимает у врага железо.
Йульяту болезни их лечит,
Благовонным платом утирает,
Красоту возвращает девам,
А мужам — мужескую силу.
Народ Угарита ликует,
Быка приносит он Илу,
Козленка заколает Балу,
Ягненка дарует Анату,
Воспевает всем богам песню,
Вестников чтит и кормит,
Вестникам творит возлиянья.
На священной горе Цапану
Празднество людское заметно,
Слышно ликование народа:
Судьбы его переменились!

15

Военная подготовка, на самом деле, оказалась делом куда более муторным, чем изначально предполагалось – но вместе с тем и куда более захватывающим. Так уже сколько раз бывало в жизни: вот думаешь только попробовать, а потом уже не можешь развязаться. Я так и квартиры в Москве ремонтировать начал, сначала просто чуток подработать решил. И в компьютерные игры одно время так, и... ну, ладно, об этом не будем.

Только в этом мире военруком я становиться вовсе не хотел, но раз уж было принято решение вложить мои знания и умения в создание боеспособного отряда, то приходилось соответствовать. Только неожиданности подстерегали буквально на каждом шагу.

Во-первых, материально техническая база оказалась совсем не такой, как хотелось бы. В деревне было ничтожно мало железа. Собственно, чего еще можно было ожидать? У них уже начался железный век, это ясно (бронза тоже использовалась, в основном для мелких деталей или украшений), причем начался не слишком давно. Своего производства железа в деревне не было, получали его путем обмена из одного селения, что было подальше от моря, и ценилось оно очень высоко, разве что серебро было еще дороже, а золота так и вовсе никто в деревне не видывал. Поэтому все железные инструменты были буквально наперечет, тем более оружие – те два меча, которые мне принесли, нужны были скорее для ритуальных целей. Деревня периодически отправляла священное посольство в расположенное где-то поблизости святилище, да еще вела иногда важные переговоры, и вот на такой-то случай старейшине без меча и щита появляться было бы совсем не гоже.

Владеть этими мечами на самом деле никто не умел, да и сам я тоже, несмотря на репутацию великого воина. Она меня, надо признаться, скорее беспокоила, чем радовала: как то еще отрабатывать ее придется? А я вот про бои на мечах разве что фильмы смотрел, имел о них очень приблизительное представление. Немного разве что ножом владел. Впрочем, я и копьем никогда не умел драться, но тут всё действительно выглядело проще, по аналогии с огнестрельным оружием в рукопашном бою.

Так что решил я сосредоточиться на копьях – но их тоже было всего пять штук, и сперва было непонятно, как можно увеличить арсенал. Теоретически, конечно, можно было перековать на копья несколько железных сошников, бывших в деревне – благо, время посева было еще не скоро, только что убрали озимый урожай ячменя и скоро собирались убирать пшеницу, а пахота предстояла теперь только осенью, в период дождей. В деревне был один условный кузнец, владевший основами ремесла в достаточной мере, чтобы заточить тупое и выпрямить гнутое, но надежды на него было мало: такой, пожалуй, и сошники погубит, и копий нам не сделает.

Что касается стрелкового вооружения, то луков в деревне не было вообще. На охоту тут не ходили, воевать тоже всерьез не доводилось. Из молодежи кое-кто владел пращой, чтобы отгонять хищников от овец и коз (в окрестности водились и лисы, и волки), но взрослому мужчине брать в руки пращу было не по статусу.

В изобилии можно было изготовить самое простое вооружение – палки да дубины. Только какой от них толк? Сперва я было решил прилаживать к палкам кремневые наконечники и использовать их как копья, но вышло не очень успешно: надо же было найти подходящий камень, потом его правильным образом обтесать, потом надежно привернуть к древку. В деревне этого делать не умели. Человечество на заре своего существования отрабатывало эти технологии столетиями, у нас таких сроков не было.

Юлька подала дельный совет: наконечники копий стали делать костяными. В самом деле, расколотая кость может быть достаточно острой, а главное, она легко поддается обработке – можно и бороздки прорезать, и дырку просверлить, чтобы закрепить наконечник на древке.

Так что производство постепенно наладилось, так что всего через месяц у каждого воина было собственное костяное копье. Броню не пробьет, конечно, но против легковооруженных мазуриков сгодится.

С защитой было совсем плохо. Шлемов и панцирей в деревне не водилось в принципе, щиты изготавливать никто не умел, а те два, что нашлись, составляли единый ритуальный комплект с мечами. Да и рассохлась их деревянная основа от времени, кожа местами полопалась, боевая пригодность была более чем сомнительной. Юлька заговорила было о кольчугах, но изготовить потребное количество качественной проволоки было совершенно нереально – прежде всего, из-за отсутствия железа. Да и плести эти кольчуги тоже как-то надо уметь.

Так что если нам и предстояло воевать, то пока безо всякой защиты.

Но трудности с вооружением меркли перед трудностями с организацией боевой учебы. Это было нечто немыслимое: толпа ни за что не хотела становиться воинским подразделением, субординации не признавала, даже построить ее было нереально. Промучившись с ними неделю, я заново разбил их по взводам, в соответствии с возрастом: старшие в первом взводе, средние во втором, а молодежь – в третьем. Назначенные наугад в первые дни командиры с обязанностями не справлялись и справляться не хотели, так что их я разжаловал, не без ропота с их стороны (оказывается, некоторые из них успели обложить своих подчиненных небольшой, но приятной данью в свою пользу). Без них стало даже несколько проще. А потом объяснил, что впредь буду назначать в отделенные только тех, кто проявит особые успехи в боевой подготовке, а уж место взводного нужно будет заслужить особым подвигом.

Народ, кажется, проникся, и возрастное деление немного помогло: теперь в каждом отделении были ровесники и приятели-соперники, осрамиться перед которыми никому не хотелось.

Ну, а что касается самой боевой подготовки, то сначала было все относительно просто: блоки, уходы и прочие приемы индивидуальной защиты. Это я умел. А потом пришлось на ходу изобретать всякие копейные приемы да перестроения (это я про фалангу вспомнил)... Главное было что? Научить их преодолевать страх перед оружием и беспрекословно исполнять приказы. Может быть, со временем кто-то из них даже научится их отдавать.

А зачем всё это, остается спросить? Только от скуки? Ну, не совсем. Во-первых, была у моих орлов и разведподготовка, с нанесением ближайшей местности на примитивную карту. Обшаривали орлы все близлежащие холмы, искали Пещеру Перехода. Так было куда результативнее, чем делать то же самое вдвоем с Юлькой, но успехом это мероприятие не увенчалось. Ну, а во вторых – мало ли что... может быть, нам было суждено стать основателями если не новой мировой империи (это как же вся мировая история перекроилась бы!), то хотя бы небольшого местного царства? Все лучше, чем у моря погоды ждать.

Чем там занималась Юлька, я особо в голову не брал: ну, цацки и фенечки, милое дело. Получалось у нее вроде неплохо, хотя я в этом добре не особо разбираюсь. Но можно сказать, закладывала она основы нашей будущей экономической экспансии, не всё же зависит от военных успехов. И с девчонками местными сдружилась, тоже дело. Училась понемногу и финикийскому языку, который тут понимали все, а многие на нем сносно говорили: открылись у нее, не без моей помощи, лингвистические способности. Через месяц вполне могла объясниться на простые бытовые темы.

Я, впрочем, тоже потихоньку овладевал местным клинописным алфавитом. Мог бы я, конечно, научить их нормальному ивритскому письму, но зачем? До того вида, в котором оно существует в наше время, тут еще оставались века и века, и опережать события, вводя какую-то новую письменность, мне не хотелось. Письмо – это не приемы рукопашной и не цацки, оно уже на историю мира влияет серьезно. Вернемся в наше время, а там у всех другой алфавит – каково?

Через месяц настала-таки жатва пшеницы, и воинские упражнения прекратились: народ был в поле практически поголовно. Я тоже принял участие в уборке урожая – ну не дома же было сидеть! Работа казалась сперва не такой уж и трудной: хватаешь несколько стеблей пшеницы, срезаешь их деревянным серпом с кусочками острой кости вместо лезвия (мне, впрочем, дали почетный переходящий серп с железными пластинками), потом перевязываешь сноп, кидаешь на землю, и все это аккуратно, чтобы не просыпалось зерно...

В общем, местные жители быстро поняли, что на горе Цафон булки растут на деревьях, и такой простейшей вещи, как жатве, небожители не обучены. И во избежание дурных предзнаменований отправили неумелого жнеца куда подальше, в деревню. А сами занялись обмолотом: гоняли по рассыпанной на току пшенице ослика с привязанной к нему доской, на нижней стороне которой были острые камни, а на верхней стоял для тяжести мальчишка. А потом на вечернем ветре провеивали вилами получившуюся массу, чтобы легкая мякина улетела прочь, а тяжелое зерно упало на землю. Наконец, просеивали зерна через сито, чтобы отделить камешки, и засыпали их в глиняные зернохранилища примерно в человеческий рост.

Я, было, хотел использовать свободное время для кузнечных упражнений, может быть, с проволокой поэкспериментировать, но потом рассудил, что результат по первости будет настолько же неприглядным, как и первый сноп, так что негоже мне так низко ронять свой цафонский авторитет.

Но жатва длилась всего несколько дней, и в последний день за праздничным ужином в честь окончания жатвы, как раз после жертвоприношения неназываемой богине земли (от которого я предпочел уклониться как от явного язычества) Ибирану сказал мне, что теперь настала пора идти воевать с соседним селением. С ним у него были давние счеты, а главное, у них было железо. Много железа!

Вот оно, подумал я с грустью: борьба за ресурсы, извечная причина войн. А потом нам понадобятся тонкие ткани, и хорошие вина, и выносливые верблюды, и смуглые рабыни, а потом... Но, с другой стороны, разве не сам я начал обучать его войско? Я стал отговариваться тем, что войско еще не готово к походу, а главное, что неуютно будет Богу (я говорил в единственном числе, и Ибирану этим ничуть не смутился, мало ли, которого из божеств именно я имел в виду), если мы нападём на соседей без веской на то причины. В общем, я отказался.

Вот никогда не верил я во всю эту конспирологию: дескать, это Рузвельт подстроил Перл-Харбор, или ФСБ организовало взрывы домов в Москве. Не поверил и тут. Но только этой же ночью, когда народ, изнуренный празднеством, отдыхал, на деревню было совершенно нападение. Дежурная пара часовых из младшего взвода, как оказалось, назююкалась вином и отдыхала где-то в придорожных кустах, а неизвестные по тихому сделали пролом в стене селения, разломали пару зернохранилищ и украли довольно-таки ощутимую часть свежемолоченного урожая.

– Соседи, – сказал наутро Ибирану, – нас победили соседские шакалы, и кто бы это мог быть еще? Значит, в этом году они первые убрали урожай.

– А если бы вы убрали первыми? – спросил я.

– Тогда наши герои пошли бы сами, чтобы победить их. И теперь мы должны проучить их за этот набег!

И мне пришлось согласиться. Нет, не то, чтобы я действительно жаждал мирового господства, но бессмысленную вражду между двумя соседними деревнями совершенно точно требовалось прекратить, а сделать это можно было только с позиции силы. В этом я был абсолютно точно уверен как всякий, кто служил в Цахале.

Тот день пришлось потратить на инвентаризацию украденного и приведение в чувство славно повеселившихся накануне бойцов. Кстати, гражданская власть в лице Ибирану приговорила двух нерадивых часовых к телесному наказанию, и тут я не счел нужным вмешиваться. Наказание проходило (и довольно громко) в тот же полдень за городскими воротами, и на сле-

дующий день они не могли готовы к полноценному участию в боевых действиях. Заодно и всему их отделению поручили нести караульную службу в селении.

Следующим утром два других отделения младшего взвода отправились на разведку и рекогносцировку к соседнему селению, и к вечеру оттуда вернулся гонец: в селении все как обычно, празднество только что прошло, народ отдыхает, приготовлений к обороне не заметно.

А дальше? Ну что дальше... Тем вечером мы привели в порядок вооружение, ночью постарались выспаться и едва зарозовел краешек неба, старший и средний взвод в полном составе выступили в поход. Честно сказать, стремно было выступать на войну с полуротой новобранцев, а куда было теперь деваться? Только и надежды было, что вида нашего испугаются. Собственно, оно почти что так и вышло...

16

«Так случилось – мужчины ушли...» вот привязалась ко мне эта строчка, что и не отделаться. Хотя наши (опа, с каких это пор для меня доисторические угаритяне «нашими» сделались?) никакие посевы до срока не бросали, а вовсе наоборот, отправились на битву за урожай, причем в буквальном смысле слова...

Вот только этого мне не хватало – проводить мужика в поход и остаться в компании местных стариков и женщин. Хорошо хоть, я с ними хоть как-то изъясняться уже могла, но все равно – было мне без Веньки очень тревожно и неудобно. А если, не дай Бог, убьют дурака, что я тут одна делать буду? Если честно, разозлилась я на него за такие штуки ужасно – вот о чем мужик думает, спрашивается? Вечно этим мальчишкам войнушка нужна, всё тут. А то, что мне без него тут просто кирдык, это ему, разумеется, и в голову не пришло!

В общем, повезло Веньке, что нас в тот момент разделяло уже изрядное расстояние, не то получил бы он заряд моих эмоций в полном объеме. А что? Думать надо головой, и помнить, за кого отвечаешь! А что Венька отвечает за меня (правда, совершенно непонятно, перед кем) это мне в тот момент казалось само собой разумеющимся.

Вот в таком раздерганном состоянии я сидела в той комнате, которую нам любезно выделили в доме старейшины, пыталась лепить очередного боевого верблюда, а сама с трудом удерживалась от того, чтобы не шмякнуть получающегося кривобокого уродца с размаху о стену. И шмякнула бы, только за дверь внезапно протопали босые ножки, и одна из младших дочек (или внучек?) почтенного Ибирану с порога протарахтела, что все уже собрались и ждут только меня.

Кто собрался, куда и зачем – этого я так и не поняла, но девчонка так умоляюще смотрела и так забавно манила меня жестами, что я против воли встала, накрыла недолепленного зверя мокрой тряпкой, чтобы не сох, и шагнула на улицу, прямо в самую середину небольшого смерчика из сухой соломы и мелкого мусора. Прочихавшись и проморгав запорошенные глаза, я огляделась. Присутствующие были одеты с некоторой претензией на нарядность, а возглавлявший процессию высохший почти до состояния мумии местный шаман... держал на плечах крошечного белого козленка без единого черного пятнышка. Ну ладно, народ явно собрался на какое-то мероприятие. А я-то им зачем?

Ответ на последний вопрос явился очень быстро. Меня почтительными подпихиваниями водворили в первый ряд процессии, после чего вся колонна с довольно мелодичными завываниями, подкрепляемыми бряканьем и грохотом чего-то, похожего на подвешенные к шестам крышки от кастрюль, двинулась узкой извилистой тропинкой вверх, в горы.

Странное дело, сколько мы с Венькой лазили по окрестностям в поисках хоть чего-то, напоминающего пещеру перехода, а сюда так никогда и не забредали. Нам все больше низины и впадины казались подходящими для этой почетной роли, а лысая вытоптанная макушка холма – ну что там может быть интересного?

Тропинка поднялась вверх, затем, петляя, спустилась ниже, туда, где несколько развесистых можжевельников кустов (или как тут они у них называются?) росли почти вплотную друг к другу. Мумиевидный вожак отчаянно ломанулся в самую чащу, мне волей-неволей пришлось следовать за ним – сзади медленно, но верно напирала толпа явно впадающих в транс женщин.

Елки эти, как ни странно, оказались вовсе не такими колючими, так что удалось обойтись без царапин и прочих повреждений. А вот за ними нас ждало нечто любопытное. На грубо обтесанном камне громоздилось глиняное чудище. Что это было за божество – понятия не имею, я в ближневосточных мифах не мастак. Но вот качество исполнения потрясло меня до глубины души. Впечатление было такое, что лепить скульптуру доверили младшей группе детского сада для художественно бездарных детей. Каждый младенец отвечал за свою деталь орга-

низма, а сборкой занимался тоже некто, плохо представляющий себе человеческую анатомию, а заодно и законы симметрии. Но главным шедевром композиции был нечеловеческих размеров детородный орган, взметнувшийся к небу наподобие ракеты. У меня зародилось нехорошее подозрение, что попали мы с Венечкой (точнее, я одна, ибо Венька на дальней сторонushке играл в солдатики) в лапы некой секты фаллопоклонников. Это подозрение усугубилось тогда, когда я разглядела многочисленные бантики, ленточки и колечки, по всей длине украшавшие причинное место здешнего божества. Они что, подобным образом пытаются добиться от него благосклонности?

Но не успела я додумать эту мысль, как почтенный вожак вытащил откуда-то из-под елок здоровую колоду наподобие тех, на которых в моем детстве мясники рубили на куски то, что именовалось «говядина второй категории с косточкой». Несчастливого козленка, от ужаса блевавшего и безостановочно сыпавшего мелкие теплые горошки, водрузили на колоду. Дамы расположились полукругом и, медленно раскачиваясь из стороны в сторону, заунывно запели. Вожак воздел руки вверх и гортанно прокричал несколько фраз, из которых я поняла только одно – это мы таким образом пытаемся вымолить победу нашему воинству.

Я не заметила, кто и когда зажег в небольшой кадилънице ароматные травы, только почувствовала, как начинает потихоньку кружиться голова, а голоса, выпевающие заклинания, больше не кажутся противно-гнусавыми. Наоборот, захотелось встать в общий круг и, раскачиваясь, как остальные, подхватить тревожный мотив.

Я даже сделала шагок в сторону женщин, но шаман резко остановил меня. Глаза его горели мрачным черным огнем, а в правой руке оказался зажат неведомо откуда взявшийся кривой нож из темного камня, даже на взгляд неимоверно острый.

Старик бросил отрывистую фразу и сунул мне в руку нож. Я отшатнулась, попытавшись не принять ножа, но неожиданно сильные пальцы старика сомкнулись поверх моего кулака, так, что рукоятка больно впилась в ладонь.

– Режь! – повелительно бросил шаман и указал на окончательно обезумевшего козленка, отчаянно бившегося в путях на верхушке колоды.

– Нет... я не могу... не умею – ни за что на свете я не могла бы убить ни одно живое существо. А тут еще козленок смотрел в упор бархатными шоколадными глазами. Убить такое чудо? Да ни за что...

– Режь, дочь богини! – голос шамана взлетел совсем высоко. – И да будет милостив к нам Силач Балу!

Аромат благовоний стал гуще, женские голоса сплетались в странную и тревожную мелодию, и я чувствовала, что меня словно окутывает странная пелена, тонкая и прозрачная, но прочная настолько, что не вырваться. Как во сне я медленно подняла руку, пытаюсь понять, куда и как нужно ударить.

– Во славу великого Облачного Всадника да свершится эта жертва. Режь!

Повинуясь властному приказу, я резко опустила руку и зажмурилась, не в силах видеть того, как белоснежная шкурка козленка мгновенно станет алой. Но в этот момент раздался странный шум, грохот, а затем последовал всеобщий вопль, полный ужаса и отчаяния.

Я осторожно приоткрыла глаза, пытаюсь понять, что произошло. Вместо окровавленного трупика на колоде лежали странные глиняные обломки с ленточками и колечками. Вся толпа моих спутников, стоя на коленях, раздирала на себе одежды, рвала волосы и издавала полные горя и отчаяния вопли. А далеко за елками слышался отчаянный топот маленьких копыт и мелькал смешной белый хвостик.

И тут до меня дошло, что же произошло. Очевидно, козлик в последнюю секунду дернулся, а я колола куда попало, не глядя. В итоге полоснула я не животинку, а стягивавшие ее веревки. Не будь дурак, козлик обретенной свободой воспользовался моментально и с колоды

сиганул, отбив в прыжке истукану его главное достоинство. И вот по этому-то поводу вся деревня и пребывает теперь в глубоком горе.

На этой мысли на меня напал чудовищный приступ хохота. Меня сгибало пополам, коло-тило, так что в итоге я оказалась не в силах устоять на ногах. Слезы текли по щекам, я пыта-лась их вытирать, но все было без толку. Постепенно все присутствующие, привлеченные моим странным поведением, прекратили убиваться и собрались в кружок, пытаюсь понять, что со мной стряслось.

– Ввы что? Это вы так убиваетесь из-за того, что козел вашему истукану пи... ну, это самое отбил? – поинтересовалась я, когда наконец хоть чуточку обрела способность говорить.

– Да будет известно дочери богини... – велеречиво начал вожак, но смешался и закончил совсем обыденно, – Теперь нашим в битве не победить, вот.

На этих словах тетки снова заголосили так, словно им всем вот прямо сейчас уже вручили похоронки.

– Стоп! А если я вам этого красавца почию, все еще можно будет исправить? – поинте-ресовалась я, – Только чур без пролития крови.

– Как без крови? – оторопел шаман. – Это же жертвоприношение. Так всегда полагается, чтобы умиловить богов... ну, то есть, ваших.

– А вот так без крови, – тут уже я оказалась непреклонной как скала. – Нашим гораздо приятнее другие жертвы, ясно? Цветочки там, плоды земные.

Тут старик внезапно побелел как мел, кинулся кланяться мне в ноги с мольбами о про-щении и с извинениями за то, что сразу не признал. У дедульки, похоже, от излишне насыщен-ного дня крыша окончательно уехала. Такой расклад мне совершенно не понравился, поэтому я всячески заверила вожака в своей благосклонности, которая имеет шанс невероятно возрасти, буде в селении окончательно и бесповоротно откажутся от кровавых жертвоприношений. А что до непризнания, так и мне его портрет не сильно знаком, чего греха таить.

На этой мажорной ноте я поднялась с земли и зашагала в сторону поселка, прикидывая, где лучше накопать глины для идола мужского достоинства. Группа поддержки, негромко стелая и бормоча, тащилась следом. Из доносившихся обрывков слов больше всего меня заин-триговало многократно повторявшееся «опять выйдет, как тогда, о горе, как тогда, снова выйдет как тогда, а ведь мы хотели, как лучше». Что у них тут уже успело случиться до нас? Неужто тоже кто-то на идола успел покуситься? Эх, жалко, Веньки рядом нет, он бы сумел их разгово-рить, не то, что я с моими жалкими обрывками слов. Ничегошеньки я в их мировоззрении не понимала, и спросить тоже не могла.

17

Рассказывать о своих победах легко и приятно. Рассказывать о героических поражениях – тоже, на свой лад. Но как рассказать о таком вот *никаком* походе? Во главе своего воинства я возвращался в деревню, не зная, что и скажу Юльке. С одной стороны – задание выполнено (ну, в общем и целом), потерь тоже почти что нет. Во всяком случае, безвозвратных потерь. А с другой – с мечтой о строительстве маленькой победоносной империи приходится, кажется, проститься.

Воинство разбрелось по домам, кто-то тащил мешки с припасами в сторону деревенских кладовок, раненных отпаивали вином. Это я вообще-то предупредил, что промывать раны надо обязательно чистым вином, чтобы не было нагноения, но, как водится, поняли меня так, как хотели понять, и промывать всё стали изнутри. А что же еще делать, если главная рана – в печени, объяснили они мне. В печени – это вроде как у нас «на сердце». Хотя если так пить, то и в печени будет, без сомнения.

Юлька даже не вышла меня встретить – якобы, так была занята. И я, войдя во внутренний дворик отведенного нам с ней жилища, тут же увидел ее полностью погруженной в творческий процесс: она ваяла. И я даже сперва не понял, что именно.

– Привет! – устало приветствовал я ее, как и положено вернувшемуся из похода мужчине.

– Привет-привет, – рассеянно ответила она, погруженная в работу, и тут же словно опомнилась, – Ой... ты... вы... ну как?

И вскочив на ноги, Юлька тут же звонку чмокнула меня в щеку. Раньше за ней такого не водилось.

– Я – нормально, в штатном режиме. Потерь нет, большую часть урожая вернули. А это...

В общем, я и сам уже увидел, что это было.

– А ты как? – ехидно переспросил я, – совсем, видать, по нашему брату соскучилась?

– Венька, ты что, совсем дурной?! – возмущенно завопила Юлька, замахиваясь на меня мокрой грязной тряпкой, служившей для оттирания рук во время лепки. – Нужен мне ваш брат, вот еще... Просто мы тут с козлом одним... ну козликом... этому их местному Балугу, ну... нечаянно отбили. Вот чинить приходится... А то местные почему-то обиделись очень, что этот их уродец главного достоинства лишился.

– Тряпками не дерутся, – серьезно ответил я, – мы вообще, можно сказать, с фронта... Но, правда, таких потерь, как Балуга, не понесли. Только все равно толку мало. – Чем могу, тем и дерусь, – машинально огрызнулась Юлька. – И вообще, нечего мне глупостями всякими голову морочить... Соскучилась, вишь ты! Очень мне надо по такому счастью скучать! Разговор явно пошел куда-то не в ту степь, и Юлька предпочла сменить тему на более безопасную. – Чего там у вас не вышло-то? В смысле, вы мало трофеев у них натырили, что ли? Ну так вам и надо, чужое красть нехорошо. Тебе разве мама в детстве не говорила?

– Какое чужое! – взорвался я, – ты что, тут за своими... за лепкой своей совсем ничего не заметила? Что у деревни пол-урожая украли за здорово живешь? Вот мы и пошли своё назад забрать. И вообще, я хотел установить мир между деревнями! Чтобы больше не приходилось им вот так вот тупо друг с другом воевать из-за мешка зерна, или брусков железа, или еще чего. Установить основы сотрудничества и честной торговли! Только не вышло ничего путного... А ты еще мораль мне читаешь!

– Вень, ну хватит орать-то, что ты как маленький, – устало попросила Юлька, – Думаешь, мне в кайф это дело лепить? А куда деваться? И ты тоже хорош. Я хотел то, я хотел это... Тут люди тысячами живут по своим порядкам, и тут здарсьте, является московский пришелец и начинает свои порядки устанавливать. А потом еще убивается, что его не послушали. А с какой, собственно, стати они тебя слушать должны? Ты им кто – кум, сват, брат, Великий

Вождь? Почему ты считаешь, что ты в праве навязывать другим людям свои жизненные принципы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.